

The illustration depicts a man and a woman in detailed medieval-style armor. The man, on the left, has dark hair and a serious expression, wearing a brown leather tunic with a fur collar and large, segmented shoulder guards. The woman, on the right, has long, flowing red hair and a small triangular tattoo on her forehead. She wears similar armor with a corset-like bodice. They are embracing in a battlefield setting with smoke, a wooden cart, and fires in the background. The title 'Ричард Ди Грэй' is written in large white Cyrillic letters across the middle.

Ричард Ди Грэй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ричард Грэй

Ричард Ди Грэй

«Автор»

2026

Грэй Р.

Ричард Ди Грэй / Р. Грэй — «Автор», 2026

Мужик в 53 года поехал на экскурсию Каповой пещеры, хотел отлить, провалился в другой мир. Мир встретил не ласково. Мужчина по имени Дмитрий, обычный человек, служил на флоте, "прожил" 90-е, всю молодость занимался единоборствами, не плохой охотник, знающий лес. Попал в тело трусливого парня 17 лет. Два его "я" постоянно борются, и только способностям Дмитрия, это тельце не только выживает, но и В книге вы увидите себя. Здесь постарался описать как и пороки так и достоинства человека 21 века. Много схваток, битв, драки в тавернах, любовь, злость, трусость, храбрость. Описана как работает магия. Рукопашные, магические бои и много юмора. В этой книге авторский мир, новая раса Циклов, книга первая. В первой книге герой учится выживать, воевать и командовать. Герой постоянно попадает в смешные ситуации, но с честью из них выходит. Любовь для Ричарда на первом месте. Читая эту книгу, вы будете и смеяться и переживать и любить, будете умирать на поле боя, но выживать вместе с героем.

© Грэй Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Ричард Грэй

Ричард Ди Грэй

Глава

Вступление

Опершись о стену в пещере, я спиной провалился в темноту. Не знаю, сколько прошло времени — может, секунда, а может, вечность.

Очнулся в каком-то ущелье. Слева и справа высились скалы разной высоты и размера, а между ними торчали какие-то мелкие деревца. Пахло дымом и пылью. В воздухе слышался знакомый запах... Точно, кровь! Я когда-то был охотником, а этот железный запах ни с чем не спутаешь, так просто не забудешь и не пропёшь. Альдегид в крови действует на хищников как магнит: по этому запаху находят раненых животных.

— Валить отсюда надо к чёртовой бабушке! — струсил я про себя.

Ущелье-поляна в ширину была метров сто, не больше, а само ущелье заканчивалось — не знаю где. Туман, густой туман, я бы сказал, какой-то желтоватый, с преломлением тусклых лучей, словно вязкий кисель, висел плотным полотном. По ощущениям было либо раннее утро, либо закат.

Кругом лежали тела людей и лошадей в немыслимых позах. Из некоторых тел торчали стрелы, копья... Стрелы, копья? Чёрт возьми! Где я?.. Наверное, сон. Начитался опять до одури. — Во, придурок.

До этого...

Мне 53 года. Всю свою нелепую жизнь прожил на Южном Урале, в Башкирии.

В начале 90-х отслужил на флоте в городе Севастополе, 30-я дивизия надводных кораблей, на ракетном крейсере «Адмирал Головкин». Потом произошёл делёж флота, следом — обман с ваучерами.

Мы, моряки, просили начальство выдать нам положенные ваучеры. Начальство ответило: — Там получите, дома.

Вернулись домой... «Там» ваучеров не дали, сказали:

— Надо было там, на флоте, получать.

— Ну, сука рыжая! Технично-красиво всех нас**л, — завистливо, с восхищением подумал я.

(От автора: рыжий — один из молодой команды реформаторов Ельцина.)

Ну, тогда я тоже буду... э-э-э... коммерсантом.

Долго рассусоливать не буду. Короче, я торговал, строил, разводил кроликов (и тех, и этих), даже свиноферму держал. И эдак прошло 25 лет...

Построил здоровенный дом в Башкирии, продал, вскоре купил дом в Крыму и осел... Или осёл — как вам нравится, так и пусть. Ремонтировал дом, строил теплицу, читал книги, играл в PlayStation 4, как и все люди моего возраста, уважающие себя. Деньги были, накопления. Ну и я нашёл себе непыльную работу, где нужно было ставить печать и подпись.

Я рукастый: отец поднатаскал. До флота занимался единоборствами, да и после службы не забрасывал долго.

Отучился в техникуме пищевой промышленности (по настоянию родителей), позже учился в экономическом институте, получил дополнительные образования (курсы) по строительству и многим другим, на мой взгляд, ненужным профессиям.

По молодости был драчун страшный. Имею в виду драчун от слова «драчливый»... Не в смысле «дрочливый», а... Ну, вы поняли.

Пролетели несколько лет жития в Крыму. Всё настое... О, решил съездить на родину, в Башкирию. Как говорится, «людей посмотреть — себя показать».

Раньше я любил охотиться, рыбачить: ездили с друзьями с ночёвкой — красота. Лазили по горам, пещерам. Теперь нет друзей. Один умер от рака, второго раздавило в автобусе встречным КамАЗом. А другие... Хм... Другие, так те остальные — просто друзья, товарищи-событники.

Ну дык, о чём я? Решил съездить в Бурзянский район, посмотреть Капову пещеру: всю жизнь хотел туда попасть, посмотреть наскальную живопись древних людей. Всегда было интересно, где они фломастеры брали))).

В общем, добрался я туда, записался на экскурсию, отстал от гида (потянуло по маленькому, и не знал, где можно было приткнуться), споткнулся обо что-то и спиной потащился назад... Вот так и провалился хрен знает куда.

Глава 1. Попал

Хотелось пить. Сильно хотелось. Нос и рот были забиты пылью и какой-то дрянью, на вкус — типа известняка, что ли? Я громко чихнул, и так раз десять подряд. Глаза невероятно щипало, а после чихов полились слёзы. Я напряг горло и каркнул.

— Боже! — подумал. — Я ворона!

Пипец... Да не-е, это не сон, раз в горле першит и саднит. Ну конечно, если это не с похмелья. Может, храпел всю ночь, горло надорвал? — Пьянь болотная, — оскорбил я сам себя мысленно.

Решил взглянуть на свои... э-э... крылья тогда, что ли?

— Не-е, — обрадовался я, — это руки! Тощие, грязные руки. Руки паренька, не девчачьи. Хоть и худые, но крепкие.

Кашлянул смачно — из горла вылетело облако пыли с какими-то ошмётками непонятной грязи. Выругался витиевато. Получилось дискантом, с петушиным переливом... Прокашлялся на всякий случай.

— Пипец! Наконец-то я сказал нормальным голосом. Ну как нормальным... подростковым.

Стоял я на карачках; до этого лежал лицом в густую серую пыль.

— М-да, — протянул тоскливо. — Голос ломался, значит, мне лет шестнадцать-семнадцать... наверное.

На всякий случай заглянул в штаны (мало ли).

— Я пацан! — прокукарекал я. Видно, ещё пыль в горле мне финтифлюшки с голосом выделяет.

Штаны были на мне простые, коричневые... типа лён, наверное, или что-то вроде. Короче, тряпочные. Подвязаны ухоженным чёрным ремешком, потёртым, но с вставками по всему поясу — сантиметров по десять расстояние между ними.

— Серебряные! — догадался я и утвердительно качнул своей немытой башкой. Вставки ромбические, гранёные; размах по кончикам — где-то полтора сантиметра каждая. На ромбиках какой-то герб, типа выющегося цветка.

Рубаха серая, с небольшим стоячим воротником. На груди посередине — разрез, но выше пупа, и связан тремя тесёмками... голубыми. — Что за безвкусица! — Какая-то вязь вышита на левой стороне груди тем же цветом. Рубаха тоже была подпоясана ремешком, но без вставок, на выпуск — выше колен, ниже пятой точки.

На поясе, сверху рубашки, висел в ножнах не дешёвый кинжал, украшенный синим камнем на навершии (смахивает на сапфир, но фиг знает). Рукоять обтянута чёрной кожей. Гарда прямая, цвета серебра. (Память охотника с прошлого тела заискивающе давала инфу.)

Ножны были отделаны серебряными элементами — тот же герб. Потянул кинжал из ножен. Хм, ничего себе железяка: лезвие сантиметров тридцать, рука в эфесе лежит по-домашнему (под мою тушку делали?), по лезвию змеится тот же цветок.

Провёл рукой по голове... Шишка, слабо кровит. На голове... на голове нет ничего. Кроме коротких жёстких волос.

— Нет ничего, — я имею в виду: ни шляпы там, ни железного ведра... то есть какого-либо шлема.

Ноги. Серые полусапожки из кожи. Нет, не серые — коричневые, но видно, качественные. Пыль... серая пыль. Присел, разглядывая обувь.

— Да-а, — проямлил я, — ноги-то мёрзнут.

Сделал шаг. Так-то удобные. А то, что замёрз, — так лежал, наверное, неудобно: кровь плохо поступала, затёк...

— Твою дивизию... — снова выругался.

Пить. Надо попить... и жрать хочу.

Начало смеркаться довольно быстро, и холодать. Зубы устроили пляску, танец с саблями какой-то... М-да...

Рядом лежал труп (тело было человечесь), одетый в кожаный прикид с нашитыми металлическими блинами-кругляшками и полосами...

— Металлист настоящий, из девяностых, — резюмировал я.

Возле тела лежал круглый шлем с полоской, закрывающей нос, — догадался я. Из-под мертвеца выглядывало горлышко бурдюка. Не до брезгливости. Подошёл, чуток приподнял его плечо и выдернул сосуд...

— Бля, дырявый!

Сплюнул гадостью изо рта, огляделся. Чуть дальше лежал то ли конь, то ли кобыла... с седлом. В груди торчало древко типа маленького копья. Конь молчал.

— Мёртвый, — догадался я.

К седлу было приторочено одеяло, две сумы перекинута через круп. Пошарил я в сумке — и, о, бинго! — бурдюк. Зубами открыл деревянную пробку, выплюнул и жадно начал пить. Пил жидкость и хмелел.

— Это типа пиво, что ли? — густое пойло с горчинкой. Отыскал пробку, заткнул.

Радостно рыгнув, продолжил мародёрствовать.

Быстро прошмонав обе перемётные сумы, обнаружил: завёрнутый в тряпицу кусок вяленого мяса — ну, грамм примерно полкило; лепёшку (типа нашего лаваша) и кругляшок... шарик...

Опасливо обнюхал его, лизнул на всякий случай.

— Лук! Местный, — жизнерадостно констатировал я.

По ходу мародёрствования я рвал зубами жёсткое мясо и глотал его, не разжёвывая, запивая густым пивом. В животе подозрительно заурчало и стало давить на клапан... М-да, не обосраться бы.

Тут же, в маленьком мешочке, нашёл я три вещи: камень, типа мох (что за дурак мох таскает с собой?) и железку — плоскую железяку. А-а-а, догадался я: это огниво. Свезло. Быстро всё накидал обратно в сумку, потянул с коня их.

Сумки были соединены между собой широкой кожей (ну понятно: это чтоб перемётные сумы с жопы животного не падали). Повесил себе на левое плечо.

Оглянулся, осмотрел вокруг землю, увидел здоровый медный поднос.

— Да, — согласился я, — тут ему самое место.

Я не задумывался, откуда здесь поднос; мало ли, может, вообще это медное зеркало. Читал где-то, что зеркала были за счастье в такие века. Может, возят воины с собой бриться? Оглянулся я на лежащего...

— Не-е, — мотнул я головой. Морда была небрита... у коня тоже.

— Поднос это!

Снял сумы с плеча. Протёр рукавом спину подноса — он не засверкал.

Туман и темнота с ужасающей скоростью надвигались, ещё и холод, этот проклятый холод. Нашёл обломок копья, сунул его в сумку и тихонько потрусил вправо, в сторону небольшой скалы: где-то посередине я заметил выемку, углубление, ну, если хотите, — полупещерку. Немного посветлело. Глянул вверх, увидел свинцовые тучи, трусливо убегающие за скалы, и вылезшую на небосвод местную луну. Луна как луна, только не как наша: нет на ней нарисованной мордашки, больше похожа на серый мячик для гольфа.

— Млять! Одеяло!

Резво развернулся и галопом поскакал к знакомому коню, рывком выдернул рулон — ремни треснули и уступили моему напору. Ввалил на то же плечо, где и сумки, и рванил к примеченной скале. Позади протяжно слышал многоголосное «У-у-у».

От неожиданности я тихонько пукнул. Это почему-то придало мне храбрости, и я стал карабкаться на скалу. Перед этим поочередно закинул в проём одеяло, поднос и сумки.

Скала была немного пологой; правда, перед самой пещеркой пришлось изобразить альпиниста.

Пещера была не более двух метров в глубину и метра трёх в длину (как бы ночью не вывалиться наружу). Какие-то булыжники валялись тут и там; из них выложил подобие ограждения у наружной стороны. Ну, чтоб было на всякий случай, мало ли что.

Под голову — сумки, одеяло на каменистый пол, улёгся, другим концом накрылся и... затаился.

— Какого хрена спать? Кругом враги... наверное.

Кругом выло, чавкало, шипело. Пир у них. Вон сколь мяса халявного.

Со временем устал бояться и храбро ушёл в гости к Морфею.

Конец 1-й главы.

Глава 2. Утро

Утро встретило меня неласково. Коварный луч от местного светила ударил мне в левый глаз, потом пошёл поганенький, мерзопакостный дождик — слепой дождь, как у нас на родине называли. С подвыванием я вытащил из-под правой лопатки острый серый булыжник, впившийся в мою многострадальную тушку. Я, как волк из «Ну, погоди!», швырнул его вниз, в ущелье, и вдогонку пригрозил кулаком. Каменюка гулко ударилась о твёрдую землю, вспугнув какую-то птицу, похожую на пёстроного шута с бубенчиками на шляпе. Там и правда я заметил бубенцы — только без шапки.

— Да-а, — квакнул я по-жабьи (блин, во рту что-то липкое, мешает квакать... тьфу, говорить), — сплюнул. Вывалился какой-то слизняк (это животное из моего рта пещеру организовало, мерзость). Потянулся за бурдюком, потряхнул:

— Есть ещё порох в пороховницах и ягоды в ягодицах, — с умничал я (зачем-то вспомнил Тараса Бульбу; правда, ягод там вроде не было).

Прополоскав рот, глотнул раз, и ещё раз, и ещё... Хорош, вдруг не найду больше, а бухло-то нормальное.

Пошарил рукой справа, с угла моей временной квартиры, вытянул поднос. Ещё раз тёр его, но уже краем шерстяного одеяла.

— Заблестел тазик, — улыбнулся я.

Поставил поднос возле входа пещеры наискосок, чтоб луч света ударился о медь и полоснул меня по новому лицу.

— Хочу знать, с кем я буду иметь дело, — глядя в медь, — вдруг не понравлюсь, тогда... о как!

На меня смотрело пареньковское лицо, довольно симпатичное. Короткие стриженные русые волосы; лицо чем-то напоминает Леонардо Ди Каприо в юности, но плечи шире, и взгляд — пронзительно устремлённый, немного смущённый, но из-под лба чуть угроза мелькает... Эх. На вид я выгляжу лет на семнадцать!

Но!

Глаза синие, как небо.

— Бляя, в кой-то век проживу жизнь новую, без дурацких двух родинок на щеке!

В общем, я влюбился в поднос.

Много времени спустя, то есть сразу, решил, что надо осмотреть себя с разных ракурсов, чтобы в разных ситуациях я знал, как выгляжу. Закрепил поднос на стене пещеры между двух выпуклостей, встал... Не-е, я встал и глянул в поднос.

— Ну-у... — проямлил, — сидя выглядел круче. Рост — рубль семьдесят где-то, метр семьдесят. Вес... э-э-э, ладно, семьдесят тоже.

Ясно. Делом пора заниматься. Выкинул поднос в «окно».

Через «окно» дуло — конечно, на всю стену.

Снял с пояса кинжал с ножнами (вдруг сломаю), сунул в мешок, достал огрызок копья и тихонько стал сползать из своего укрытия. Нашупав левой ногой приличную опору, отпустил руки и мягко приземлился; лететь было не очень далеко — сантиметров двадцать. Пригнулся (тело молодое, гибкое, послушное), растопылив руки; правую руку с огрызком выставил угрожающе чуть вперёд. Медленно (раскорячив задние ноги) стал двигаться к трупам. Сбоку, наверное, я был похож на беременную бабу или на не дошедшего до туалета.

Перед небольшой акацией (так я обозвал про себя колючий кустарник) присел. Местное рыжее светило озарило поле боя редкими скудными лучами. Взору предстала картина... За ночь невиданные звери (не знаю вообще, кто они и кто меня вчера напугал своим дурацким «У-у-у») растерзали тела.

— Ё-моё!

Недалеко от меня лежало шесть воинов; вчера вечером я не заметил, что из-под крупа лошади торчало тело солдата, голова была под...

— Раздавлено, — резюмировал я.

Солдат тоже был одет в чёрную потёртую кожу, но без защитных блях. Валялся небольшой меч — хороший или плохой, я не разбираюсь. Взял рядом щит. Щит я поднял и после долгих манипуляций приспособил себе за спину. Присел, его же мечом срезал с трупа (всадника без головы) кошель и небольшую деревянную флягу. Литровую, вроде. Подумалось почему-то: как же солдат бился с флягой на боку? Она же мешает, бьёт по ноге?

Покрутился кругом (ножик бы найти). Чуть дальше, у тропинки слева, из-под куста торчали ноги. Подошёл. Точно, ноги. Потянул, вытащил ноги по пояс; остального нет, но в ноге торчал нож!

— Во дурень! — удивился я. — Разве так нож носят?

Пустые ножны для кинжала не стал в пыли искать, так что нож сунул за пояс.

И тут я разглядел остальные трупы возле меня... Разорванные животы (как будто оборотень какой драл), объедены носы, частично пальцы; у всех рот без губ. И всё это жутко воняло.

— Бляя... — и биться сердце перестало. Меня знатно вырвало на ближайший труп. Из носа пошёл фонтан с кусочками вчерашнего вяленого мяса. Тут придавило мой задний клапан; я рывком сорвал с себя ремешок, спустил штаны и прокашлялся задним местом.

От моего действия всполошилась стая ворон, отлетев подальше и облаив меня своим карканьем. Вздрогнул, почувствовав на себе взгляд. Совсем рядом сидел здоровенный ворон — на лбу моего вчерашнего «знакомца» (который меня «угостил» бурдюком пива).

Птица размером чуть меньше собаки меланхолично разглядывала меня. Чёрный как смоль.

— Красивый, зараза, — подумал я.

— Сам ты зараза! — подумалось мне, будто ответил мне ворон. Сложив крылья за спину, эта птица деловито клюнула в глазницу воину, потянув за какую-то жилку, и неприятным хлопком вытащила глазное яблоко. Важно подкинув его вверх, поймала и проглотила. Глянув на меня правым красным глазом (типа: «А ты так можешь?»), смачно каркнула и взмыла в небо, блеснув иссиня-чёрным крылом на свету, и важно свалила за скалу.

— Сволочь! — зло выругался я. — Всяко полетит всем рассказывать, что я тут по трупам шарю и мешаю пировать. (Ну мало ли? А вдруг?) Всё-таки мир не мой, непонятный, и как тут и зачем — не знаю. Сваливать надо.

Прошёл чуть дальше, нашёл кинжал, снял с трупа ножны, опоясался. Тут же поднял узкий короткий меч, засунул за пояс. Нечаянно пнул железный мяч, отбил большой палец.

— Ах ты ж сука!

Мяч оказался головой в круглом шлеме, больше похожим на глубокую тарелку. Голова весело подпрыгнула два раза, шлем слетел — и о-о-о! Это мне нужно. Подошёл и стянул с головы подшлемник — тёплый. Забрезговав (вдруг хозяин бошку не мыл?), вывернул его наизнанку и напялил на себя. Наверное, я сейчас похож на бомжа. Это меня рассмешило. Мир чужой, всё пригодится, а трупам ничего уже не надо.

Стал обходить тело за телом. Из шестнадцати воинов двенадцать были обычными вояками (это по одежке и по снаряжению видно): одинаковые мечи с простыми деревянными ручками, копья; у четверых — луки.

Все бойцы были одеты примерно одинаково: чёрные кожаные доспехи, прошитые металлическими нашивками, серые плащи с голубыми гербами. Остальные четверо одеты побогаче. Под плащами, тоже серыми (но гербы были окантованы серебряной, не тонкой нитью), — пластинчатые доспехи; из-под них проглядывали кольчуги. Шлемы у всех разные, но перья — голубые у всех. Шлемы были у двоих с забралом, у других — открытые. На руках заметил перчатки-краги, почти до локтей, тоже серые... серо кожаные.

Я снова и тщательней осмотрел этих четырёх любителей голубых перьев. Один, по ходу, старший, отличался. У всех на плащах одинаковый герб, но у главного был прошит серебряными нитями не только по краям герба-цветка, но и серебро присутствовало в каждом изгибе... э-э-э... светло-синей вязи. На доспехе были красивые насечки серебром и пояс. ПОЯС! Был как у меня, только шире и богаче.

— Я наконец-то вкурил — это мой местный батя!

— Значит, я сын небогатого дворянина, скорее всего, рыцаря, — у него герб на щите, плаще и везде... Правда, я под рубаху не заглядывал, наколки не рассматривал.

Видно, ехал с ними куда-то. Размышлял я и заодно обирал тела на предмет кошельей.

Охлопав своего «батю», вытащил кошель: странно, кошель обычный, но тяжеленький. Сунул сразу в сумку. Рядом ни меча, ни кинжала. Наверное, победители с коммуниздили, а

кошель не взяли — или торопились. Оруженосцев грабанул быстрее: тощие кошель и ничего интересного. Оружия толкового нет, всё забрали.

Забрав награбленное, распахал по сумкам, взгромоздил себе на плечо. Посмотрев на поле брани, пересчитал трупы (шестнадцать штук насчитал). Тут и сям валялись вымпелы, баннер — и всё одного цвета... голубого!

— Ёж твой ляж! — протянул я. Достал уже этот светло-синий цвет. На мне такие же цвета, такая же вязь на вымпелах: какого-то закрученного голубого растения с большой башкой-цветком и торчащим из бутона алым жалом посередине. Этот цветок — на фоне серебряного ромба. Как и на моём поясном ремешке и кинжале.

— Я из их клана или рода, это уже точно.

Мне стало грустно: вдруг это последние мои сородичи и больше никого не осталось... Как я в этом мире буду один? Без поддержки. Хотелось завывать белугой от горя, но вовремя вспомнил, что ни хрена их не знал и скулить будет наигранно. И вообще, этот «батя» мне не родня! Его сын умер наверняка во время боя с неизвестными, иначе бы я не появился в ущелье. Рано или поздно мне придётся разгадать этот кроссворд, так как я теперь, надеюсь, единственный наследник. Если он «меня» тащил через это страшное ущелье, значит, была опасность моей жизни! Разобраться мне стоит: всё-таки на кону мой титул, а без него трудно будет в этом мире, — договорился я сам с собой и остался доволен.

— А где же трупы противников? — задался вопросом. Ну не может же быть, что продули в ноль! Скорее всего, противник забрал свои «потери» с собой. Заметил странность: в основном побиты люди камнями, раздавлены, и всего лишь пятеро убиты стрелами и дротиками (думал, это копья, но это оказались большие дротики). Странно всё это.

— Швыряться камнями и здоровенными дротиками могут только очень, очень здоровые люди или... ИЛИ? — медленно проговорил я, и мне захотелось проснуться. Я боялся подумать и представить, кто эти «ИЛИ»: орки? огры? великаны?

Я задумался, крепко задумался...

Вдруг звонко треснула ветка. Пукнув я тут же спрятался за здоровенный валун, лежащий у толстого дерева.

— Ну ты и debil! — шёпотом облаял себя, боясь выглянуть.

Немного побоялся и шёпотом вылез из укрытия. Повертев головой (куда идти), решил, что за спиной страшнее — там больше трупов, — и двинул прямо вдаль ущелья, в обратную сторону от зловещего тумана и от вчерашнего «У-у-у».

Конец 2-й главы.

Глава 3. Дорога

Утром был холод собачий, а сейчас начало печь голову. Подшлемник-то я снял уже давно, минут десять назад. Было не страшно. Наверное, устал бояться, да и погода шепчет: «Налей и выпей».

Выпить... Что было, давно допил. Осталась деревянная фляжка, а в ней, по запаху, какое-то зелье — может, лечебное какое. На нюх пахнет омерзительно. Я не выкинул её, а, как тот хомяк, всё тащу к себе.

Прошёл, на вскидку, километров десять по-нашему. Ущелье стало медленно заводить вправо и с понижением, так что идти стало легче. Птицы распелись, как на гулянке. Добрые птицы, не злобные каркуши.

Скалы потихоньку понижались, и стали появляться высокие, широкие холмы. Деревья удлинились. Широкие причудливые листья свисали лапами, накладываясь друг на друга, — создавалась тень под ними, да и для туалета неплохо. Одна беда: они не зелёные, а кричаще-медного цвета. Земля, по которой я топал, поменяла цвет, налилась красным оттенком.

Небо под стать. Какое-то не русское. Не домашнее. Свинцово-розовое, с бешеными облаками, которые носятся без правил техники безопасности. Не поймёшь местное небо... Будет то ли дождь, то ли понос.

— Ну наконец-то! — пролаял я трескучим, обезвоженным горлом.

Впереди, правее, вдоль холмов и мелких скал, бодро журчал широкий ручей-река.

Скинув с плеча ненавистную ношу, стянул из-под ремня дурацкий меч. То ли эфесом, то ли гардой натёр себе пузо до волдырей. Закинул его в кусты — не пузо, меч! Скинул через голову рубаху — и о-пля! — на моей груди висел тощий кошель, а я и не чувствовал его.

Кошель был небольшой, из мягкой кожи, со стриженным мехом наружу, то есть замши. Коричневый, мягкий замш. По обе стороны вышит серебряными нитями ромб; в центре знака — голубыми нитями — уже знакомый мне выющийся цветок.

Внутри кошель обнаружил пять маленьких серебряных монеток, размером эдак с наши два рубля. Ещё выудил какую-то трубочку — оказался небольшой свиток длиной сантиметров восемь, туго перетянут толстой серебряной нитью. Развернул: мелкие значки-каракули, похожие на руны, а справа, на весь размер (восемь сантиметров в диаметре), стояла выпуклая голубая печать.

Я с пониманием хмыкнул и протянул:

— Да-а-а, точно дворянчик, но мелкий. Кошель пустой, одежда чуть лучше, чем у простолудина.

— Ну ладно, и то хлеб! — успокоился я.

Снял штаны (через ноги) — трусов, оказывается, не было. Залез в ручей по щиколотку и стал, как утка, барахтаться и кричать от удовольствия. Весь свой шмот замочил в воде, тут же «намылил» их красной глиной, сполоснул и развесил на ветке дерева, чем-то похожего на сосну, но с коричневыми иглами. Я не знаю, насколько это поможет, но всё равно никто не видит.

Измазался, как папуас, сверху донизу этой красноватой субстанцией, потёрся тряпицей, в которой были завернуты припасы, смыл и растянулся на одеялке. Рыжий шарик вошёл в зенит, пекло увеличилось, так что натянул на себя ещё влажные шмотки и сел обедать.

Лук оказался хоть и жгучим, но сладким, как яблоко. Доел я мясо, оставил поллепёшки про запас. Завернул в про стиранную тряпицу-мочалку. Потом подумал, пошёл в кусты, отыскал меч. Решил помахать им: махнул раз — меня потащило за мечом, чуть не растянулся... Да-а-а уж, для моих ручонок тяжеловат.

Я решил жару переждать в тени под деревом и возле ручья. К вечеру, полагаю, и до темна буду искать шкуру. А пока займусь добычей пищи.

Память моего нового, молодого тела мелкими дозами давала инфу. Правда, какая от него помощь, лет-то сколько...

Короче, вломился я в лес, как лось почтовый. Новое тело хоть и гибкое, но не привыкшее ходить в лесу. Заяц прыснул из-под ноги — похоже, на уши наступил... А что толку, чем его стрелять?

Вышел в ложбинку между небольших холмов. Грибы.

— Эй, память!!! Их можно жрать?!

Молчок.

Стал собирать в подшлемник — не зря же тащил его. Вернулся в свой «лагерь». Мой опыт охотника помог мне быстро собрать нужные палки, сучья и прочий сушняк. Мечом настрогал стружку, рядом, в виде гнезда, расположил мох и стал усердно добывать огонь.

Колотил камнем по железке, потом — наоборот. Вспотел, от старания аж высунул кончик языка, — и о-о-о! Нашёл правильный угол железяки, и искры красным дождём плюнули в мох. Мох жалобно задымился. Я надул щёки и стал медленной струйкой обеспечивать приток кислорода. Вспыхнул!

Трясущимися от усталости руками я бережно схватил горящее гнездо и, подвывая от обжигающего огня, кинул на сухую щепу с мхом!

— Да ж твою дивизию-ю! — взвыл я. — Обжёгся, бля-aaa!

Огонёк перестал выживаться и обнял щепки; огонь весело затрещал. Подкинул палок, насадил на заранее вымоченные в воде прутья грибы и сел в ожидании чуда. Не стал угли ждать.

Первый гриб сожрал и тормознул: вдруг что-то нехорошее будет? На всякий случай надрал широких листьев с деревьев, положил рядом и стал прислушиваться к животу.

Минут через двадцать я съел грибы с шести прутьев (без соли есть не очень). Напился от души из ручья, наполнил бурдюк водой. Вылил из фляжки странную гадость, промыл и тоже наполнил (итого у меня в дорогу получилось около трёх литров воды).

Грибов было ещё довольно-таки много: я ведь, кроме подшлемника, надрал грибов в подол своей рубахи. Насадил на длинную ветку и повесил сушиться повыше над костром. Так, с припасами пока норм.

Надо сделать ревизию в сумках и кошеле — я ведь так и не разобрал их, только шарил в них рукой.

Первым делом высыпал из обеих сумок всё на траву (что интересно, листья деревьев с медным отливом, а трава зелёная). Я рассудил так: корни деревьев из глубины чем-то питаются, или это магия?! Пока не знаю, если она тут. Возможно, деревья насыщаются залежами меди или железа каким-то образом, — подумал я.

— О как! — восхитился я собой, своей догадливостью, даже возгордился.

В сумках было: поллепёшки, бурдюк и фляжка с водой (потом добавлю сушёные грибы). Обломок копья — я его сразу поднял и выкинул в заросли: «Не фиг тяжесть таскать!» Далее — какой-то маленький мешочек. Развязал, нюхнул, достал щепотку белой кристаллической фигни, лизнул.

— Соль, блин! — заорал я. — А я грибы жрал пресные! Долбоящер!

Испуганные птицы шарахнули в сторону с дерева, под которым я сидел.

Ещё там был набор огнива, тряпка... Хех! Яблоко. Штук десять наконечников для стрел, тонкая бечёвка, моток ниток и игла — всё моё богатство. Яблоко я съел сразу.

Достал свой кошель, батин и три оставшиеся. У простых воинов кошель не срезал: тела были разможены камнями, и мне противно было ковыряться.

Я заметил, что «главных» пристрелили, закидали копьями или взяли на щит, а бойцов подавили камнями.

Выгрузив содержимое всех кошель на травку, стал раскладывать монеты по цене металла и номиналу. Память нового тела услужливо подсказала цену. И так:

Всего на этом материке, который называется Астания, в ходу две золотые и две серебряные монеты разного номинала. Большие монеты — золотой «Дракон» (15 грамм) и серебряный «Олень» (15 грамм). (Почему-то память паренька мне переводит на меру весов, принятых на Земле.)

В одном «Драконе» — 10 золотников по 1,5 грамма, в «Олене» — 10 серебрушек по 1,5 грамма. В одной серебрушке — 10 тинов (красная медь).

Красная медь здесь очень ценится, её меньше, чем жёлтой. Из красной меди делают магические амулеты, кольца и прочее — они пользуются большим спросом у людей и нелюдей, не имеющих магического дара. Память подсказывает, что эти штуки из красной меди заряжаются до третьего уровня. Всего уровней для зарядов — 12.

— Опа! — допёрло до меня. — МАГИЯ есть в этом мире!

А нелюди — кто? Гномы всякие? Или вурдалаки?.. Ладно, разберёмся.

Так вот, раз красная медь в дефиците, используют также жёлтую медь как монету. Обычно 1 тин красный равен 2 тинам жёлтым, но бывает и до 3–4 доходит. Это происходит, когда начинаются боевые действия и идёт большой расход красной меди на атакующие и защитные заклинания.

Кстати, для заклинаний больше подходят круглые предметы, так как заключённая магия в монете долго держится из-за округлости: магия движется по кругу, ищет выход. Если зарядить медный треугольник, через три месяца он рассыплется (по окончании действия заклятия предмет рассыпается). В монете же заклинание будет «сидеть» до года.

Серебряные и золотые заготовки «держат» по несколько лет и заряжаются неоднократно. Жёлтая медь не годится для магии.

Серебро, золото, драгоценные и полудрагоценные камни — для магии высокого порядка, но из них делают кольца, амулеты, браслеты, кулоны не очень много, так как магическое население — не больше пяти процентов, да и заготовки стоят баснословных денег.

Красной медью пользуются в больших количествах армия, стража, гильдии (из простолюдинов) и зажиточные жители.

Стал подсчитывать свои монетки.

Драконов, Оленей не было. Сука.

22 серебрушки — это 2 Оленя и 2 серебрушки.

Красных тинов — 43, это 4 серебрушки и 3 кр. тина.

Жёлтых тинов — 91, это 3–4 серебрушки.

Итого: 2 Оленя и 9–10 серебрушек.

— Неплохо! Совсем неплохо! — аж хрюкнул от радости.

Пора собираться в дорогу, труба зовёт. А вдруг этот туман появится? От него мурашки по коже, да и «У-у-у»... На хрен бы его.

Распределил богатство по кошелькам. Жёлтые тины — в одну из сумок, серебро — в кошель и на грудь, красненькие засунул в подшлемник (благо была игла и нить).

Привязал щит к спине, прицепил ненавистный меч к поясу... Вру, просто засунул за пояс (чтоб не натирал — под рубаху приткнул найденную тряпку).

Наметил себе цель: выйти из ущелья, найти местную цивилизацию, обзавестись картой (благо есть деньги, лишь бы их хватило) и сориентироваться, что дальше предпринять. Главное пока — выжить!

Взвалил ношу на плечо и резво зашагал.

Конец 3-й главы.

Глава 4. Встреча

Отдохнул хорошо, поел тоже норм — можно и скорость прибавить. Прошёл, наверное, километров шесть. Ручей разросся в полноводную речку: она петляла вдоль холмов меж деревьев.

Шёл по ущелью, речку только слышал, не видел — деревья густо закрывали обзор. Вдруг вместе с шумом реки слышу рёв какого-то зверя и человеческую речь — слова не расслышал. Даже не речь, а крики.

Скинул свой скарб, вытащил из сумки свой крутой кинжал в ножнах, прицепил на левый бок поверх рубахи. Снял со спины щит, достал меч. Подумал, лёг.

— А оно мне это надо? — молча спросил себя.

— Да, надо. Пройти-то как-то надо. Чёрт, пройти-то никак, нигде — только назад. Тут сузилось к реке.

Прожил пятьдесят три года, никого не обосрался. Ну да, страшно чуть. Да не чуть! Один, хрен знает где. Ещё бесит меня это нутро, в которое вселился. Постоянно тормозит меня. Ссыкло. Досталось мне тело с памятью труса.

— Эй, пацан! — шёпотом крикнул я в себя. — Была не была, короче. Дожился, базарю сам с собой. Если что — скину весь шмот с себя и ломанусь в реку.

Короче, полежал, пополз на шум, прячась за бугры, валежник и деревья. Я чуть выше оказался. Влез в кустарник, чуть прополз — и меня потянуло вниз. На пузе проехал пару метров, дальше прополз к гнилому стволу, лежащему вдоль реки.

— Обзор не тот, — тихо матюкнулся в кулак.

Блин, дождик моросил. Может, и к лучшему, только всё шмотье изгажу. Тучи припёрлись. Что с небом?

— Не наше, — подумалось мне.

— Фиг! Теперь наше.

Перед речкой, почти до воды, растёт валежник, плотный. Проползти никак. Ещё тело протащил на метр, раздвинул кусты.

Река с изгибом круто забирает влево. С той стороны водоёма — сплошные лесные горы, невысокие. Сразу с гор идёт покатость к реке и сразу обрамляет её, типа местного камыша.

Вдали ущелье заканчивалось и виден был проход сквозь скалу. Выложен из тёсаных каменных блоков и закрыт огромными железными воротами. К проходу вела дорога, река же проходила рядом с дорогой и протекала под воротами.

— И как пройти через ворота? — задумался я.

— Сначала обойти бы зверя.

Возле меня река делала крутой поворот в сторону ворот, в изгибе образуя поляну. По ходу, и зверь сюда любой ходок за рыбой, в этом месте пережат. Сука, вот он! Стоит медведь. Не медведь — зверь, похожий на медведя. Рядом какие-то люди, что-то блестит, как бронза?

Я ещё подполз (сраный щит бьётся об левое колено).

— Тут даже не ружьё надо, — пожаловался я не знаю кому, — гранатомётом не убьёшь.

Зверюга, на вскидку, метра три с половиной. Рожа, или морда, волчья и удлинённая. Шерсть серо-рыжая, но на голове чёрная, от шеи до пупа — белая. Клыки из пасти, как у тигра-саблезуба. Пена розовая падает из пасти хлопьями. На вскидку это «чучело» весит килограммов пятьсот-шестьсот.

— Млять, очково. До твари метров тридцать.

— Мля, тихо. Ещё чуть... Стоп. Залёг.

— Эх, шас бы снайперку. Хм... Или ну его на хрен, а? Тут или вперёд, или обратно в жёлтый туман.

Мдяя... Слева от зверюги лежал ничком человек. Его правая рука была повернута ко мне.

— Нихрена себе ладонь! — удивился я. — В эту ладонь поместится боулинговый шар! У меня начала складываться картинка. Пока дальше.

Этот... (не думаю, что это человек) одет был в кожаный доспех, штаны такие же. Башмаки на толстой подошве — смотрятся грозно: большие, жёсткие. А чуть дальше лежат копья. Ни фига не копья — это дротики! Такие дротики я видел в ущелье на месте побоища.

— Да что ж вы за племя? — испуганно взбеленился я. — Ладно, никто не слышит мой внутренний голос. Какие-то несуразные.

Он, по всей видимости, убитый или без сознания. Вижу отсюда его копну волос цвета спелой пшеницы — до плеч. Лицо чуть повернуто ко мне, и мне показалось, что у него три глаза. Я проморгался. Точно — три.

Рядом, возле правой руки, — широкий тесак, чуть загнутый кверху.

Прямо перед «медведем» (так его буду называть) стоял, согнувшись и держась за левый бок, ещё один тип, ростом под два метра. Теперь разглядел рожу. Те же соломенные волосы: чёлка короткая, а волосы до плеч. Плечи — ну, метр двадцать сантиметров, не меньше. Тело резко сужается книзу. Таз узкий, ноги мощные. Руки с буграми мышц, ладони больше человеческих раза в два. Глаза посажены близко. Выше — третий глаз, недоразвитый, не открытый. Нос короткий, мясистый и широкий, картошкой. На вид большой, но видно, что это пацан, как и я. Не знаю, как я понял.

Подпоясан широким чёрным ремнём — видно зелёные вставки, похожи на изумруды. Как гранёные карандаши. Кожа... Пригляделся — медная?

В руке у него был топор: лезвие очень широкое, но древко короткое. Держась за левый бок, он тяжело дышал и смотрел на зверя обречённым взглядом. Я понял: он приготовился умирать.

— Да бааалин... Да не могу я так.

Третий, их товарищ, стоял поодаль — метров на тридцать дальше, ближе к реке, — и швырял ловко булыжники в зверя. Те особо не причиняли ему беспокойства.

— Эта тварь из жёлтого тумана. Магическая.

Зверина задрала морду вверх и издала ужасающий звук: «У-у-у-у».

— Ну, бля, и страшилище, — прошептал я.

Мой живот предательски подал голос.

— Тсссс, заткнись.

— Так вот он и есть из этих «У-у-у», — сообразил я и вспотел. — Медведь зовёт таких же? Время пошло на секунды.

Медведь стоял спиной ко мне, до него метров пятнадцать. Ну, хрен ли делать... Я забыл, что сам пацан, крикнул, потрянул головой и встал. (Не у меня, а я встал.) Тронул кинжал на левом боку и решил.

— Лишь бы «меднокожие» трёхглазки против меня не дружили.

На полусогнутых ногах, пружиня шаг, я двинулся к зверюге. Щит в левой руке закрыл голову и туловище; подглядывая справа от щита, меч сжал до боли в руке.

— Сука! Я ж не взрослый! — подумал я поздно. — Лан, в прошлой жизни я был неплохой рукопашник и охотник. Тело хоть и не моё, но навыки есть. Есть, сука!

«Медведь» снова заревел и кинулся на раненого. Под шум его рёва я в три прыжка сократил расстояние, пригнулся и, сзади проскользнув ужом между лапой и туловищем, присел и сунул ему в подмышку остриё меча.

Медведь резко остановил атаку, секунду замер — и (откуда у медведя такая прыть?!) — развернулся в следующую секунду, нанося по мне удар левой лапой.

Для меня время остановилось: секунды удлинились и растянулись в протяжный ультразвист. Успел увидеть когти — как кинжалы. Морду, клыки — как у оборотня из фильмов; шерсть взъерошена, густая. С клыков капает розовая пена; глаза почему-то не красные — чёрные. Оскал. Этот оскал здорового волка в теле медведя. Удлинённые секунды уплывают.

При его развороте мой меч позорно выскользнул из его раны: видно, силёнок не хватило пробить, достать до сердца.

В последнее мгновение я чуть ниже присел, держа щит выше. Щит вылетел из моей руки в виде брызг щепок; я взглядом успел проводить остатки щита куда-то вбок — и показалось, что рука летит с ним, держась за щит. В то же мгновение мой плечевой сустав покинул своё место. Резко затошнило меня.

Я успел...

Кувыркнуться ему под ноги через правое плечо и встать на правое колено. Левая рука повисла плетью.

Медведь замедлился — видно, всё-таки достал я его. Стоя на колене между ног зверя, быстро правой рукой вытащил кинжал с левой стороны пояса и вогнал ему промеж ног.

Медведь так заорал, что я чуть не оглох.

— Бля, чё так сильно орёшь-то? — промямлил я, заваливаясь, и провалился в темноту.

Конец 4-й главы.

Глава 5. Знакомство

Где-то капал дождь. А потом реальность треснула, как старое стекло, и вместо дождя я почувствовал жёсткую полку, стук колёс и запах дешёвого табака и пота. Во рту кошки насрали. Я еду в поезде, в жёстком вагоне. Это типа плацкарт, только без матраса. Шумит, стучит, чердак раскалывается. Вспомнил: меня везут в Севастополь. Сегодня 22 мая 1992 года, помню, призвали. Вчера поругались с подполковником на сборном пункте. Мы за два дня до этого, с ребятами из нашего района, пьяные, с рюкзаками и с гитарой сели в ПАЗик. В то ещё время «проводжали» в армию, а тем более на ФЛОТ! Всем миром. Собирались все соседи, складывались на «проводах», плакали, смеялись и гордились. Помню. На душе плохо. Не доучился. Очнулся. Где я?

— Вумер дыр кана!

— Слышь?.. Ты китаец? Куда мы едем? — тихо задал я вопрос к спине идущему впереди.

— Уркен хил, эвен кавер ко!!!!

Ничего не понимаю: где я и кто со мной говорит. Я понял, что меня несут на носилках, но куда? Провал!

Проснулся я в комнате, дощатой. Свет щемится через щели. Слабость, левая сторона онемела, спину отлежал — повернуться бы. Я вспомнил всё. Только не понял, кто со мной говорил, по-тюркски что ли? Или приснилось? Да откуда здесь татары? Попить бы, и по маленькому сходить... Блин, слабость-то какая. Руку поднял, чтоб лицо обтереть: потом ест глаза, мандражит. Как я в ущелье-то говорил с памятью этого тела? Я ж понимал язык! Там про монеты, магию и граммы...

— Ты базарил сам с собой! — пень, — раздался голос в голове.

— Понял, я ещё не выздоровел, — ответил я в потолок и повернулся к стенке.

Скрипнула калитка в моё (тюрьму или лечебницу?) жилище. Кто-то зашёл, что-то двинул к моей лежанке, но тихонько, пытаюсь не шуметь. Сделал вид, что сплю, но уши насторожил. Этот «кто-то» присел возле меня.

— Наверное, стул двигал, — догадался я.

Сидит, молчит. Неловко как-то мне. Ветерок через щели «моего» жилища принёс запах от моего «гостя». Феромон ударил мне в нос (моё юное тельце напряглось), и запах, похожий на сирень — Женщина!!!

— безразлично подумал я и повернулся на живот.

— Гормоны от пацана достались! — радостно-зло подумал я.

Гостя чем-то занималась, потом что-то мурлыкать начала себе под нос. Мочевой пузырь меня звал поговорить, терпения нет, тут она ещё расселась. Я повернулся на левый бок в её сторону.

— Курилё? — произнесла она красивым голосом.

— Нет, спасибо, я не курю, — отрицательно мотнув головой, я зачем-то похлопал себя по правой ляжке (типа по карману) и развёл руку в сторону (типа нет сигарет, не курю). Почему одну руку? На левой я лежал.

На меня смотрели три глаза. В этот раз — три полноценных глаза. Который был на лбу, он был меньше и не безобразил лицо. Мужчины у них большие, ладони огромные, цвет кожи тёмной меди, а вот женщины другие, такие как и наши. Кожа у них светлой меди, как будто загар. Левый глаз смотрел на меня с участием, правый — с тревогой, ну а верхний... Сука!!! Подмигивал.

— Ааа!!! — хотел заорать я, но утопил эмоции. Я просто стал смотреть на её нос, фиг знает, чё делать. В мыслях пронеслось: «Как три глаза живут разными жизнями?»

Она приподнялась со стула. Я аккуратно скосил левый глаз пониже — думаю, незаметно.

— Батюшки! — увидел её ножки с цветом загара, с медным отливом. (Моя хижина вся просвечивалась, так что настырным лучам местного светила не было проблем нас атаковать.) Луч света лизнул её по ногам, кожа блеснула на миг. И я... я повернулся на живот.

— Извини, — промолвил я. — Рана свербит, так, чуть полежу.

«Красивая кожа», — подумал завистливо я, — «мне б такую».

Девушка участливо склонилась надо мной (снова живот предательски заурчал).

— Блин, блин, блин! Лишь бы не пернуть! — нечаянно сказал вслух.

— Я застонал, — на всякий случай. (Всё до кучи: и по-маленькому хочется, и клапан нижний просит срочно выпустить джинна.)

Я резко, рывком поднялся с лежбища (с надеждой, что лежанка скрипнет) — подвела. Мы встали почти равномерно! Я про звук. Короче, доски лежанки моей скрипнули раньше на полсекунды, потом я пернул.

— Курилé? — задала вопрос девушка.

— Может, пойдём на воздух? — галантно пригласил я и правой рукой указал на дверь.

Девушка глянула на меня правым глазом, а левым — на дверь, а верхний глядел с вопросом и с отвращением. Слава богу, запаха не было. Я не ел долго.

Но завис важный вопрос: что с моим новым телом? Живот крутит, постоянно пучит — что не так? Я ел только грибы и вяленое мясо. Ну и пиво в начале, да. В прошлой жизни всё жрал подряд — и ничего. Два вывода напрашиваются, и оба мне не нравятся: первый — я пердун, то есть болею; второй — я пердун, но магический. Конечно, звучит бредово, но магические миры разные, всяко. Читал кучу книг про попаданцев — везде магию описывают по-разному. Вдруг я в мире, где магия работает по другому пути? Допустим, заклинания произносят через рот словами? Ммм... То есть можно и через нос зажать, и через любое отверстие.

— Дааа, напридумывал себе отмазку, — размышляя о горестном, я встал и протопал за лежанку (заметил прошлый раз занавес, подумал — туалет).

В голове роилась куча вопросов, так что я аж подзавис. С тугим журчанием я наполовину наполнил какую-то ёмкость, вернулся на лежанку, сел.

— Короче, решать проблемы будем частями! — рассуждал я про себя. — Сначала обживаемся тут, а потом подумаем, как лечить пердёж, — провозгласил я своё решение (вслух) и посмотрел на девушку.

— Курилé? Ент фукилу, хорэ, тор баим! — что-то сказала она.

Девушка стояла возле стула, смотрела на меня с непониманием и с немым вопросом. Я понял, что она не унюхала, и понял, что услышала. Я только что догадался, что я раздет. Сдёрнул толстую волчью шкуру с лежанки, укрыл стыд. А «стыд» офигел! Позорит меня.

— Ох ты ж! — вот я задумался. — Я ж по-маленькому при ней сходил — как в глаза-то смотреть? Тем более в верхний — он самый злой.

Девушка не дождалась моего ответа. Верхний глаз бесился по полной, левый укатывался, громко хлопая ресницами, словно ставней. (Да чего ждать-то? Я тарабарщину не понимаю. Единственное, понял — «про фукилу», наверное, что-то про пук. Да и «куриле» пока непонятно, что это.)

Она стала раскладывать какие-то вещи по немногим полкам. Я за это время огляделся и нашёл «свое». Ну, как своё — моих вещей не было. Чуть правее от моей лежанки, в ногах, стояло типа тумбы: на ней аккуратно сложена стопка не моей одежды. (Лежанка из досок на деревянных ногах, шириной метра три, в длину — четыре.) Кстати, о лежанках. Здоровенная кровать для великанов. Ну а чё? Они для себя делали. Матрас сшит не из ткани, а из отделанной кожи. Внутри матраса — отдельная тема: узнаю — расскажу. Подушек нет: обычно чисто выделанные шкуры овец стягивают в рулон и подкладывают под голову. Укрываются шкурами, сшитыми между собой.

Одежду надел легко. Верх — лёгкая рубаша, полотняная, цветом ближе к коричневому, светло-коричневая. Такие же и штаны, но их нужно подвязать. Девушка повернулась, когда я был уже одет. В первый раз услышал её «хихи». (Штаны были мне большие, и я их скрутил.) Обувь — простые шлёпки, серые. Из травы, что ли? Да фиг знает.

— Курилё?

— Да-да, курилё и фукиле, — ляпнул я.

— Эми, — утвердительно сказала она.

Ну, Эми так Эми. Сел на кровать. Девушка ушла. Я прилёг.

Через время пришли две: та же девушка и старуха. Пока они ходят и посудой гремят, опишу, что тут, пока женщины склонились над столом. Они изредка оглядывались на меня, ходили к полкам, что-то из склянок брали. Потом девушка зажгла огонь в очаге. Я не заметил его раньше. Очаг был в правом дальнем углу, сложен из булыжников, и, что странно, труба — через крышу! Не по-чёрному.

«Значит, я не в дремучем веке», — обрадовался я.

Над очагом висел здоровенный котёл. Дом выглядел временным, нежилым, типа больницы.

Девушка с красивыми ногами (и это моё сугубо мнение) и с медным отливом смотрится шикарно для своего роста. Рост бы я определил где-то... мм... небольшой — 1 метр 60 сантиметров. На вид девушке лет семнадцать. Женщины тут намного ниже ростом, чем мужчины.

Странно — волосы! Сколько я видел из их народа (а видел трёх «малолеток» при участии в умерщвлении медведя): один валялся, другой был раненый, третий вообще трус — камнями кидался. Ладно, я, блин, и правда крут. Только никто не платит, то есть не знает. Ну, вернёмся к своим баранам.

Волосы цвета чистой меди! Я не знаю, укладка или что, — вряд ли: волосы такие от природы. Они как бархатом обняли её плечи и успокоились, чуть покачиваясь от лёгкого движения, поворота головы.

Платье... Да, она не в шкурах. Не знаю, как называется материал, но уверен, что это ткань. В своём мире не видел такого материала — не могу сравнить. Ничего дорогого в ткани не вижу, но смотрится здорово. Цветом — сиреневым, рукава по локоть, с завязками. Приталенное, и подол чуть ниже колен. Ремешок кожаный на талии — синий. Вырез спереди: видны два полушария.

«Два», — спокойно отнёсся к этому факту.

— Э-э-э, хорош на ноги глядеть! На лицо глянь пока, — сказала мне внутреннее предупреждение.

Ну ладно, лишь бы груди не... Как их глаза, жили своей жизнью. Лицо не как у их мужчин — оно очеловечено. Нет грушевидности. Нос не мясистый, маленький, аккуратный. В общем, баба как баба, только на лбу хитрый глаз.

Вот старуха — в штанах зелёных, но коротких, чуть ниже колена. Вижу её икры, цветом ржавого железа. Не вижу пока лица. На ногах тапки... Хм, зелёные, но кожаные. Сверху — простой балахон серый, вижу бусы. Повернулась ко мне. Тот же овал лица, женский. Волосы

редкие, соломенные, но как бы прибиты к черепу, обволакивают. Верхний глаз шарит по мне, левый глаз в прострации, меланхолит. Правый смотрит мне в пах. Зачем?!

Старуха подошла ко мне, девушка чуть сзади — по правую руку. В руках у неё тарелка с чем-то. Девушка в руках держала белую ткань.

— Курилé? — старуха проквкала.

— Достали, да! Раньше — курилé, и что?! — гавкнул ей в лицо.

— Були хон, — и подняла свой скрюченный палец.

Я не двигаюсь, но на всякий случай держу план: допустим, старуха ткнёт меня пальцем — сделаю блок и пну её в живот, а если...

Размышление прервали.

Девушка подошла к старухе, промочила тщательно тряпицу в тарелке, отжала, распрямила и разложила на своей ладони. Положив другую руку мне на грудь (типа чтобы я не дёргался) и другой рукой с тканью прижала мне к лицу.

Я хотел увернуться, но куда там: сила у неё была ого-го (ладонь с тряпкой накрыла моё лицо) и не давала пошевелиться.

Последнее, что помню: все шесть глаз смотрели на меня.

«Всё-таки отравили», — подумал я напоследок. — «Но зачем чистую одежду дали? Да какая уже разница... Ритуал, наверное, такой».

И я шагнул в темноту.

Конец 5-й главы.

Глава 6. Знакомство. Кира.

— Вставай! — кто-то тряс меня за плечо. Да так настойчиво, что хотелось встать и в рожу дать.

— Вставай, ждут уже! Да вставай уже! — кто-то неугомонный никак не отвяжется от моей тушки.

Повернулся к стенке и натянул шкуру на голову.

Бля... Сон слетел. Но назло не хочу теперь вставать.

— О, меня вчера не отравили? — вспомнил вдруг я.

Голос знакомый. И я понимаю её.

Короче, мне, походу, вчера дали какое-то зелье, что меня обучило языку и вырубил на фиг.

Я развеселился. Если не убили, значит, не убьют!

Вдруг с меня слетает шкура, и в лицо летит поток ледяной воды.

— Ты сдурела совсем?! — заорал я.

Мой язык от произнесённых слов как-то неудобно и непривычно ворочался. Такое чувство, что я его всегда знал и произносил, но рот мой, скотина, кривлялся вместе с языком.

— Привыкнет, — сказал я и сел.

— Кто привыкнет? — спросила моя знакомая девушка.

(Одета была уже в кожаные штаны, просторную белую рубаху с рукавами и жилет, расстёгнутый.)

— Я слышала, что люди коварны, но что наглые до такой степени!!! — Злой верхний глаз метал молнии, левый и правый веселились от души.

— Как так можно?! Не стесняясь никого, так испортить воздух! У вас все такие??

У меня голова со стыда уже залезла в плечи.

— И скажи мне на милость! Ты зачем нассал в таз, в котором мы умываемся??? — Всё, её три глаза упёрлись в мои два и в переносицу.

Я побледнел, покраснел и...

— Я, я... — заблеял, как козёл, ища выход из дурацкого положения.

— Я болел! Я ничего не соображал! Ты же знаешь, что я чудом вышел из боя, пока ваши люди скакали там, побитые, как... Хм... Я бился! — Победоносно закончил я пургу и быстро глянул на её верхний глаз.

Глаз смягчился. Я воодушевился и сразу напустил на себя обиженный вид.

— Ты прости за воду, но мы опаздываем, — смягчился её тон.

— Живо одевайся, — приказала она. Верхний глаз строго смотрел мне на переносицу, левый глаз смеялся, а правый просто захлопнулся единственным веком (говоря, мол, мне не интересно).

Я сидел с чуть приоткрытым ртом, выслушивая её короткие монологи и открыто любясь её фигурой.

— Рот закрой, — посоветовала девушка.

— Я... — проямлил я, — просто задумался обо всём, что произошло со мной, — и горестно вздохнул.

— Я же всю свою семью потерял, — нажал на жалость.

— Мне жаль, — проговорила она с сожалением и мило улыбнулась.

— Но таз помоешь!

— Ты что делал-то в «Проклятом ущелье»?

— Ладно, не моё дело, расскажешь совету, пошли.

— погоди, надень свои вещи, я постирала и заштопала, — всучив мне свёрток.

— Спасибо, — сказал я, благодарно взглянув на неё.

Зашёл за ту ширму (будь она неладна) и быстро переоделся. Рука не болела.

«Хорошо подлатали меня», — подумал.

«Придурок ты, — ответило мне второе „я“, — позоришь только нас. Пердун».

— Да заткнись ты! — зло сказал я. — Нашелся тут Смеагул, — буркнул я.

— А?

— Я не тебе.

— Кому?

Оставил её вопрос висеть.

— Веди- буркнул я.

Вышли мы наружу. Сия вдарило по полной. (Со знанием языка мне достались какие-то базовые понятия об этом мире, немного, но...)

— Сия — это рыжее светило над нами? — задал вопрос.

— Да, — просто ответила она.

— Ты откуда свалился, что простые вещи спрашиваешь? — Приблизившись, она заглянула мне в лицо.

«А она красива, чертовка, — залюбовался я ей, — и три глаза не портят».

— Я же память потерял, — так, урывками что-то вспоминаю, — тупорыло отмазался.

— Извини, я так и не представился, — я замолчал. — Я, бля, не знаю, как тут зовут меня! — Подумал я.

— Не помню, — почти честно ответил.

— А меня — Кира.

— Красиво, — начал я распускать хвост и глянул на её ноги. — Да и рост-то не сильно большой, — задумался я. — И стремянка не нужна, — совсем обнаглев, замечтался.

Кира поймала мой взгляд и подозрительно взглянула.

Я отвернулся, типа разглядывал какую-то тупую птицу.

Мы спустились с небольшого холма. Жилище, в котором меня лечили, находилось на окраине селения. Пока спустились, успел разглядеть городок.

Здоровенная поляна, окружённая с трёх сторон скалами. Всё селение было окружено стеной из больших камней, хорошо обработанных.

Двое ворот: первые — предположительно со стороны ущелья. За воротами виден был вход в гору, поэтому решил, что там проход к нему. Ко входу были приделаны железные ворота, стояла стража.

С другой стороны ворота вели на выход меж скалами куда-то вдаль.

Небольшой городок построили вокруг круглой площади, и от неё лучами расходились дома и делились на немногочисленные улицы. На вскидку, домов было не больше сотни. Но за стенами я увидел (сверху я видел над стенами), что в горах выдолблены пещеры с закрытыми дверями-воротами.

Почему-то подумалось, что в пещерах находятся ремесленные мастерские (из некоторых валил дым из отверстий).

Дома были каменные, крыши — разные. Из них всего два здания были двухэтажные.

Мы спустились и пошли по какой-то улице в центр города.

— Кира, — позвал я, — а как ваш народ зовут?

— Ты что, про Циклов не слышал? — удивилась она и спохватилась: — Я забыла, что ты память потерял... Извини.

— А вам мотоциклы не родня? — решил пошутить я.

— Я не знаю, про кого ты говоришь, — не слышала.

До центра мы добрались быстро. На площади была толкучка, шла торговля.

Я заметил несколько людей и удивился.

Девушка перехватила мой взгляд и пояснила:

— С нами торгуют из нескольких королевств, но мы пускаем к себе только тех купцов, которые заявлены в договоре, подписанном между правителями. Всех подряд мы не пускаем. От людей только девяти Дунам разрешено торговать с нами.

— Дуны?

— Ну... — Кира почесала переносицу. — Это принадлежность к купеческому сословию, типа звания. Вот если я была купцом, меня звали бы Кираида Дунья или Кира Дунья.

— А-а-а, — протянул я.

И тут меня развеселило.

— А если бы ты была мужиком-купцом? Тебя звали бы Кир Дун? — «Кирдун-пердун», — стал я про себя склонять.

Кира подозрительно посмотрела и не могла понять, что я так лыблюсь.

— Ну вот, пришли.

Мы стояли возле двухэтажного здания, возле него стоял страж. Высокий, метра два с лишним, бугры медных мышц перекачивались. На голое тело был надет жилет-безрукавка из толстой кожи. На нём нашиты стальные пластины.

Шлем закрывал уши, но забрала не было. Пластина над носом.

За спиной — круглый щит с бронзовыми наклейками, посередине находился умбон из такого же металла. За спиной висел двуручный меч, а в руке — железная с шипами дубина. Штаны — по колено, обувь из кожи. Страж был трехглазый.

— Ну пошли, чё застыл? — легонько толкнула меня Кира.

Я вздохнул. Страж открыл дверь, и я вошёл в тёмную прохладу.

Конец 6-й главы.

Глава 7. Циклы

Мы вошли внутрь двухэтажного здания. В просторном зале царил полумрак — свет проникал лишь через узкие окна под потолком. Воздух пах медью, древесным дымом и чем-то терпким, незнакомым. По стенам висели щиты с выгравированными символами, мечи в ножнах, связки сушёных трав. В центре зала горел очаг, над ним на цепях висел большой медный котёл. У очага сидел седовласый Цикл с глубоко посаженным глазом и умными нижними, морщинистым лицом. Он поднял взгляд на нас и медленно кивнул Кире.

— Это Совет старейшин, — тихо пояснила Кира. — Сюда приходят за решением споров, за советом, за... наказанием.

Я невольно сглотнул. Сразу захотелось какать.

Старейшина поднялся. Его рост был не меньше, чем у стража у входа, а кожа отливала особенно тёмной, почти багровой медью. Он окинул меня внимательным взглядом.

— Значит, это тот, кто выжил в Ущелье? — его голос звучал низко и гулко, будто из глубокой пещеры.

Старейшина нахмурился, подошёл ближе и пристально всмотрелся в моё лицо.

— Жёлтый туман не трогает только Циклов, — гордо сказал старик. — Медь в коже есть, но слабая. Не наша кровь, но что-то от нас в нём... — он протянул руку и коснулся моего лба. — Ты помнишь хоть что-то? Хоть имя?

«Какая, блять, медь ещё во мне? Что он несёт?» — мысли галопом проскакали.

Я замер, пытаюсь выудить из памяти хоть что-то, что обычно врут попаданцы. Но там была пустота.

— Ничего, — выдохнул я. — Только обрывки. И ещё... я помню, что боялся. Боялся чего-то в Ущелье.

— Что ты делал в отряде людей, которых мы атаковали? — вперился в меня всеми тремя глазами.

— Я, — промямлил с испугом, — я был пленником, — соврал я и честными глазами посмотрел на грозного старейшину.

Я тихонько пустил шептуна. Был невероятно напуган — эта трусость изредка проявлялась из-за тела и памяти пацана, в которого вселился. Уверенно закивал.

— Зачем ты им? Куда тебя везли?

— Не помню, о великий Старший, — глупость какую-то отморозил я.

Тот усмехнулся, но, видно, понравилось ему.

— Надо допросить этих трёх оболтусов: Дира, Трена и Дори.

Старейшина переглянулся с Кирой, затем с другим членом Совета, сидевшим у стены. Тот молча кивнул.

— Ты останешься здесь, пока мы не решим, что с тобой делать, — произнёс старейшина. — Кира, отведи его в гостевые покои. Завтра утром начнём расспрашивать подробнее.

— Но... — начал я.

— Никаких «но», — отрезал старейшина. — Ты не знаешь, кто ты. А незнание — опаснее жёлтого тумана.

Кира легонько подтолкнула меня к двери в глубине зала.

— Пойдём, — шепнула она. — Не спорь. Они так решают судьбы.

Мы вышли через боковую дверь в узкий коридор, затем поднялись по каменной лестнице на второй этаж.

— Это знак Циклов, — заметила Кира, проследив за моим взглядом. — Око предков. Говорят, оно видит правду, даже если ты сам её скрываешь.

Я скептически посмотрел на висевший в коридоре медный тазик с глазом посередине. «Брехня», — подумал я.

«Это ты ходячая брехня», — огрызнулось моё второе «я».

Здесь было тише, вдоль стен горели факелы, бросая дрожащие тени.

— Не бойся, — сказала Кира, открывая дверь в небольшую комнату. — Они не злые. Просто осторожные.

Комната была простой: кровать из досок, сундук, стол и стул. В углу стояла глиняная ваза с сухими цветами.

— Отдохни, — добавила Кира. — Завтра будет трудный день. И... — она чуть улыбнулась, — не шути больше про «Кирдуна». У нас это звучит совсем не смешно.

— А как? — удивился я.

— Я тоже умею рифмы складывать, — улыбнулась она.

— Да, и ухмылка на твоём лице была, — ответила она.

Я усмехнулся, но промолчал.

— А если я всё же вспомню? — спросил я. — Что тогда?

Кира задумалась.

— Тогда, может, ты расскажешь нам, что на самом деле случилось в Ущелье. И почему жёлтый туман выпустил тебя живым.

Она закрыла дверь, оставив меня одного. Я подошёл к окну — с этой высоты был виден весь городок: круглые крыши домов, дымок из пещер-мастерских, огни у ворот. Где-то там, за горами, лежал мир, который я не знал. А здесь, в Медной долине, мне предстояло найти своё место — или потерять себя окончательно.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая скалы в багряные тона. Внизу, на площади, купцы сворачивали прилавки, стражники проверяли ворота. Где-то за горами, в глубине Проклятого Ущелья, клубился жёлтый туман — тот самый, где живут зловещие «Уууу» и странный, тупой Ворон.

Я опустил на кровать и закрыл глаза. Лёг.

Вдруг за окном раздался резкий крик — не человеческий, а звериный, низкий и угрожающий. Я вскочил и прижался к стеклу.

Вдалеке, у самых ворот, стражники вскинули оружие. Люди на площади замерли.

А из ущелья, сквозь жёлтую дымку, медленно проступала огромная тень — нечто высокое, сгорбленное, с горящими глазами. Сочилась сквозь ворота. Похоже, он пришёл за мной.

В животе похолодело от ужаса — я громко, протяжно и с надрывом перданул. Вся выдержка и какая-то храбрость покинули меня через задний проход. Я отпрянул от окна, сердце забилося чаще. Нужно было предупредить кого-то, но ноги будто приросли к полу.

Тень становилась всё чётче, а крик повторился — теперь ближе, громче, полнее ярости. За дверью послышались шаги, голоса, лязг оружия. Кто-то бежал по коридору.

Дверь распахнулась — на пороге стояла Кира, в руке у неё блестел короткий меч.

— Чем тут воняет? — озираясь по сторонам, спросила она.

— Не знаю! — Я пришёл — уже воняло, — сделал удивлённое лицо. — Может, это засохшие цветы? — предположил я.

— Беги за мной! — крикнула она и рванула в коридор и дальше.

Я кубарем скатился за ней и, обогнав Киру, вылетел на улицу. Я так втопил, аж в ушах ветер засвистел.

— Да стой! — кричала она где-то далеко позади. — Не туда!

Я оглянулся: в метрах ста позади бежала Кира, мечом показывая, куда бежать. Я развернулся и погнался за ней, обогнал её и поскакал дальше. Кира на ходу кричала мне: «Налево! Направо!»

Добежали мы до какого-то храма, ввалились туда и стали ждать. Мы тяжело дышали.

— Слушай, у тебя ноги короче моих, как ты так быстро бегаешь?

— Не знаю, я не помню, — и про себя тихо: — Жить захочешь — ещё не так побежишь.

Где-то через час шумиха закончилась, народ успокоился и рассосался. Тень никого не тронула, только заглядывала во все здания, ища кого-то... Этот «кто-то» всяко был я.

— Храм тебя защитил, — просто сказала Кира.

— Нас жёлтый туман не трогает, но тень — вижу первый раз.

— Да тут никто не видел.

— Порождения тумана нас могут тронуть — осязаемые, а сам туман — нет, — со вздохом сказала девушка, вытирая пот со лба.

— Этот туман — проклятие от нашего древнего предка, Циклопа Карана.

— Не спрашивай меня: если старейшины решат, сами расскажут, — вздохнула она.

— Пойдём, провожу тебя обратно в комнату.

Я лёг, задумался. «Страшно, сука, — пронеслось в голове. — Валить надо отсюда... А куда?» Ответ не пришёл, и я уснул.

Конец 7-й главы.

Глава 8. Суд

Утро пришло, и с ним — тревоги. Вспомнилось вчерашнее, и сразу настроение упало ниже плинтуса.

Я встал (вчера улёгся и уснул одетым, даже обувь не снял), прошёлся по комнате. В углу заметил кувшин на подставке, на крючке висела ткань, а на стуле стоял медный таз.

— Ну, конечно, медный, раз так тут медь все любят, — проворчал я и стал умываться.

Умылся, просто прополоскав рот, и плюнул на пол.

— Интересно, а чем тут зубы чистят? — спросил я в пространство.

— Чем, чем — порошком! — услышал я голос.

Я подскочил на месте.

В дверях стояла Кира и улыбалась. Все три глаза смотрели на меня, левый подмигивал. Даже всё время недовольный верхний глаз смотрел снисходительно.

— Могу тебе одолжить в следующий раз. Я не подумала что-то, извини, — с виноватой улыбкой ответила девушка.

Кира была одета в кожаный доспех с металлическими вставками, но без шлема.

— Когда на совет меня вызовут? — спросил я так, будто мне всё равно.

— Сейчас и пойдём.

Я двинул за ней.

Спустились в зал: там сидели пятеро старейшин, и все пятнадцать глаз уставились на меня.

— Здравствуйте, Великие Вожди славного народа Циклов! — пафосно сказал я, надеясь этим заработать побольше «плюшек» в свою защиту.

— Встань в круг Ока Циклов, — сказал старший дед.

Я вчера и не заметил тут круга — на стене видел, а этот — нет.

— Или ночью нарисовали, пока я спал? — подозрительно покосился я на пол.

Да нет — он выложен тёмным медным прутком, и там же глаз внутри. За ночь бы не успели...

— Блять! О чём я думаю?! Сейчас поджарят меня, и похер будет, когда круг появился, — занервничал я.

— Мы допросили троих молодых воинов, которых ты... хм... которым ты помог, — прошмакал дед слева от меня.

— Они подтвердили, что ты вышел в бой против Угла на их стороне и добил его, правда, уже истекающего кровью, — умничал дедуля.

От такой явной лжи я разозлился.

— Что ж, такие великие воины его без меня не завалили? — раздухарился я, ещё больше распаляясь.

— Когда я подошёл, один из них валялся без памяти, второй скрюченный стоял, а третий вообще убежал и кидался камнями, — закончил я речь и борзо оглядел собрание.

На минуту я себя почувствовал председателем колхоза, отчитывающим доярок. Внезапно я понял, что слишком разогнал, и благоразумно заткнулся.

Слово взял другой старейшина. Его все три глаза смотрели хоть куда, но не на меня.

— Чужак, — прокрипел старый пердун, — пришёл с людьми, они погибли, а он — нет.

— Почему? — спросил он и сам понял, что задал тупой вопрос.

Старейшины пошумели между собой и пожали плечами.

— Если его туман не тронул, значит, он по меди близок к нам, — сказал четвёртый дедушка.

Я с благодарностью посмотрел на него.

— Но, — я насторожился, — возможно, он защищён магией и пришёл уничтожить нас, — закончил свою мысль этот старый дурак.

— И тень его искала! — подал голос кто-то из совета.

— Тень — зло, просто она не конфликтует с туманом: они однородные. Это как свет и тьма: разные, но соприкасаются. Как ночь сменяет день, — сказал главный старый.

Я усердно закивал головой, чуть не оторвав шею.

Другие старшие стали предлагать жуткие вещи. Один предложил прогнать меня в ущелье и посмотреть, другой сказал — запереть меня в клетке и поставить за ворота, чтобы тень пришла за мной (просто никто не был уверен, зачем тень искала меня: убить, или познакомиться, или союз какой сделать со мной). Третий вообще предложил отрубить мне голову и забыть как страшный сон.

— Ладно, — подытожил старший, — поступим так: позовём Вельгу.

— Да! — я крикнул. — Давайте Вельгу звать! — радуясь отсрочке.

Все странно на меня посмотрели — странно и с интересом. Удивились, наверное, что я уверен, что Вельга разрулит в мою пользу.

Пока стража ходила за какой-то Вельгой, подошёл самый старший ко мне.

— Ты знаешь, что если после обряда Вельга усомнится в тебе, то ты будешь жариться живьём в медной бочке? — пытливо спросил меня старик.

— Ну, конечно, как же без медной бочки, — подумал я.

— В чём заключается проверка? — спросил слабым голосом я.

— В правде.

— Такие обряды мы проводим только с чужаками, и в конце концов они оказывались в бочке, — доложил мне дед, и его верхний глаз посмотрел на меня с торжеством.

Пришла старуха, поворчала, что-то пошушукалась со всеми пердунами и вперилась троекратно в меня. Я выдержал её взгляд достойно. Просто смотрел упорно на муху, которая ползала на полу.

Хряхтя, старая карга взгромоздилась на какой-то деревянный приступ и откашлялась, чтоб все заткнулись.

— Тебе бы ещё микрофон дать, облезлая ведьма, — зло подумал я, глядя с ненавистью и прощаясь с жизнью.

— Чтобы обряд прошёл чистым, — проквкала эта ворона, — испытуемый должен на свои деньги купить для меня зелья для его испытания! — прохрюкала ведьма и с радостным злорадством посмотрела на меня.

(Ии не согласился старухе третий глаз прилепить и покрасить ее в бронзу)

Я задохнулся от такой наглости!

— За мои бабки и меня казнить?! — еле сдержался...

— Бля, пипец, развод чистой воды, — с недоумением воззрился на старуху.

— Вот она, наверное, тут разводит лохов по полной, — с восхищением подумал я.

— А-а-а, терять нечего уже, — отстранённо подумал я.

— Потом, — подумал я, — может, бабку подкупить?

Я озвучил:

— Готов оплатить все зелья, которые нужны... Сколько денег-то надо? — с интересом спросил я.

Дряхлая пошлёпала жабьими губами — её глаза как будто взяли калькуляторы — и выпердела цифру:

— Четыре серебрушки.

Я почувствовал себя на аукционе, где ставка — моя жизнь.

— Даю оленя! — и я, с превосходством оглядел зал.

— Зачем? Они стоят четыре серебрушки, — напомнила старушенция.

Тут мой запал и прошёл. Вздохнул и кивнул.

Отвернулся от бабки — вдруг увидит, откуда монеты достаю, — залез за пазуху и на ощупь отсчитал из кошелька четыре монетки. Подошёл и сунул ей в руку.

Начался ритуал. Все ингредиенты у неё были с собой. Шептала, бубнила, подпрыгивала, сыпала порошки на медный прут. С обезьяньими ужимками проскакала вокруг меня три раза, потом зачем-то по лбу треснула меня чем-то — я не заметил. Дала что-то выпить, и я снова отрубился прямо посреди круга.

Очнулся — приговор.

Мне стало по фигуре: от меня всё равно ничего уже не зависит. Главное — успеть старухе втащить.

Бабка говорила недолго. Короче, подтвердила про бой с Углом: что я бился с ним, что помог без умысла. Что и правда во мне есть истинная медь, но в малом количестве. Что те молодые воины тоже не наврали, просто не договорили. Что от меня нет зла и что она просто не видит ни добра во мне, ни чего-либо остального. Короче, что я не враг, но и непонятно кто. Сказала, что казнить меня опасно: вдруг я послан кем-то сверху, а если нет, то успеем поджарить. Вот и всё.

Старуха слезла с трибуны, посмотрела на меня, и мне показалось, что верхний глаз показал мне язык. Я аж рот открыл.

Вот так прошёл суд, и ещё больше запутали всех, и вопрос обо мне повис. Решили оставить меня у себя и отдать на учёбу. А за то, что я спас троих воинов-неудачников, учёбу пройду я бесплатно, но еда, ночлег и всё, что нужно к учёбе, я должен оплатить сам.

Так и думал, что в конце концов всё равно ещё попаду на мои жалкие монетки.

Перед тем как разойтись, назначили смотрящего надо мной — Киру, чему я был несказанно рад. Ну хоть тут «плюшка» с красивой фигурой и ровными ножками.

Совет разошёлся, старуха укувыляла, и я остался один. Да, сказали, чтобы я из верхней комнаты выкатился.

Вышел во двор. Страж покосился на меня и упёр свой взор в какую-то бабу.

Кто-то хлопнул меня по плечу. Я оглянулся: Кира стояла и улыбалась.

— Пошли, балбес. Выкрутился?

— Да ты же сама слышала — видел тебя в зале. Кстати, а почему тебя допустили на совет? — спросил я.

— Я внучка самого главного Старейшины и, значит, когда-нибудь буду в совете.

— Вот те на, — только и смог сказать я.

— Пошли за твоими вещами, будем думать, куда тебя поселить, — предложила девушка. — Есть, наверное, хочешь? Можешь не отвечать.

И мы пошли.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая скалы Медной долины в багряные тона. Я глубоко вдохнул свежий воздух — после затхлой атмосферы ритуала он казался особенно сладким.

— Ну и дела, — пробормотал я, потирая лоб там, куда старуха меня стукнула. — Что это вообще было? Какой-то средневековый развод на деньги с элементами шаманского шоу?

Кира усмехнулась:

— Ты почти угадал. Обряд Очищения Духа — древняя традиция. Раньше его проводили, чтобы определить, несёт ли чужак угрозу нашему народу. Но сейчас... — она пожала плечами, — сейчас это скорее формальность. Хотя старуха Вельга действительно умеет видеть чуть больше, чем остальные.

— Видит, сколько у тебя в кошельке серебрушек, — фыркнул я. — Четыре монеты! Да на эти деньги можно неделю в таверне пировать!

Хотел обозвать её вслух, но промолчал — может, она ещё и ясновыслушавшая. На всякий случай сплюнул через плечо и попал на рукав девушки.

— Да ты вконец оборзел! — вскипела от такой наглости Кира. — То воздух портишь, то нужду справляешь где очень не надо, и ещё и плюёшься... Ты специально так делаешь? Тебе нравится вот так?

— Да чё ты следишь! — возмутился я. — Не выставляй меня извращенцем! Мне муха просто залетела, я от неожиданности сплюнул, — убедительно соврал я.

— Прости, — сказал я примирительно. — В трактире плачу я, — гордо сообщил я, а жаба внутри квакнула.

— Зато теперь ты официально не враг, — Кира толкнула меня локтем в бок. — И даже получишь бесплатное обучение. Не каждый день такое выпадает.

— Да, «подарок» ещё тот, — проворчал я. — Еда, ночлег — всё за свой счёт. Прямо королевские условия.

Мы шли по узким улочкам городка. Люди поглядывали на нас с любопытностью, но близко не подходили. Видимо, весть о результатах обряда уже разлетелась по долине.

— Куда мы идём? — спросил я, когда мы свернули в узкий переулок между домами.

— В постоялый двор, — ответила Кира. — Там есть свободные комнаты. Пока ты не определишься, чем будешь заниматься, поживёшь там. Потом, если захочешь, сможешь найти что-то другое.

— И чё, в этом дворе я должен всё время стоять? — плоско пошутил я.

— Дурак, — беззлобно ответила девушка.

— А чему, кстати, меня будут учить? — поинтересовался я. — Боевым искусствам Циклов? Тайнам меди в коже? Или как правильно считать монеты, чтобы старухи их не отобрали?

Кира рассмеялась:

— Всеуму понемногу. Сначала — языку и обычаям. Потом — основам выживания в горах. Если проявишь способности, могут взять в ученики к мастеру какого-нибудь ремесла. У нас ценят умелые руки.

Мы остановились перед большим одноэтажным зданием с вывеской, на которой был изображён спящий медведь под деревом. Рядом стояло ещё несколько построек, и всё это хозяйство было огорожено забором.

— Вот и наше место, — сказала Кира. — Не дворец, конечно, но крыша не течёт, а зимой тут тепло.

Хозяин гостевого дома, коренастый Цикл с рыжей бородой, встретил нас у входа.

— Кира, радость моя! — пробасил он. — Кого это ты привела?

— Нового жителя Медной долины, — улыбнулась девушка. — Он пройдёт обучение. Ему нужна комната на первое время.

— Конечно, конечно, — закивал хозяин. — У меня как раз есть свободный уголок под крышей. Без изысков, но кровать крепкая, окно выходит на восток — по утрам солнце будит лучше любого петуха.

Он провёл нас наверх, по скрипучей лестнице, и открыл дверь в небольшую комнату. Действительно, ничего лишнего: кровать, стул, стол у окна и сундук для вещей. Зато вид из окна открывался потрясающий — на горы и ущелье, окутанное жёлтым туманом.

— Располагайся, — сказала Кира, когда хозяин ушёл. — Завтра с утра начнём с рынка. А пока... — она хитро прищурилась, — если хочешь, можем сходить в ту таверну, где можно неделю пировать на четыре серебряшки. Отпразднуем твоё «очищение».

Я рассмеялся:

— Знаешь, это самая здравая мысль за весь день. Пошли.

Конец 8-й главы.

Глава 9. Медянка. Таверна

Мы снова вышли на улицу. Солнце почти скрылось за горами, в окнах домов загорались огни. Где-то вдали, в глубине ущелья, жёлтый туман клубился, будто наблюдая за мной. Но сейчас это уже не казалось таким пугающим.

Впервые за долгое время я почувствовал, что, возможно, здесь, в Медной долине, я смогу найти своё место. Или хотя бы разобраться, кто я на самом деле. И какого хрена попал в этот мир.

Шли пешком — такси не попадалось.

— Размечтался, — сказало второе «я».

— Да пошёл ты, — ответил тому я.

— Кира, — позвал я, — скажи, для чего вы едите медь? И я бы взглянул на это, — с надеждой спросил я.

Девушка со смешинками во всех трёх глазах ответила:

— Нужно для организма, это жизненно важно.

— Ты думаешь, что мы медь грызём или глотаем монеты? — захихикала она. — Нет, мы пьём эликсиры, нечасто.

— А-а-а, — промычал я. — А то вдруг меня в таверне накормят медными опилками в пирожках, — хмыкнул и задумался о девушке.

Девушка звонко рассмеялась.

— Пошли, в еде нет меди. Ну и скажешь же ты, — улыбаясь, ответила она.

Таверна находилась в центре города, а постоялый двор — ближе к восточным воротам. На постоялом дворе селились купцы из разных королевств, купцы из местного королевства Циклов, ну и просто путешественники, шарахающиеся от безделья.

Как рассказала Кира, в их королевстве правит король Тариан VIII. В стране всего один город, называется Циклион.

Пока болтали, дошли до места. Перед входом горело множество факелов, так что было светло — будь здоров. Возле таверны было шумно, народ веселился вовсю.

Кстати, все вещи мне вернули. Я сложил их на постоялом дворе, а деньги перепрятал. Не скажу где.

Монет у меня было:

* 22 мелких серебряных («серебрушек»), из них я отдал 4 карге. Остаток — 18 штук;

* 43 красных тина;

* 91 жёлтый тин.

С собой взял я:

* 8 серебряных монет (много, конечно; не хватит — так опозорюсь перед Кирой, а понты дороже денег);

* 23 красных тина;

* 41 жёлтый тин.

— Кира, — дёрнул девушку за рукав, — ты подсказывай мне, как и что делать, а? — попросил её.

— У тебя деньги-то есть, ухажёр? — улыбнулась она. — Ты не переживай, я взяла.

— С чего ты решила, что я пустой? — обидчиво засопел я.

— Не хотела обидеть тебя, просто подумала: откуда быть деньгам? Ты же в плену был, — сказала девушка и заглянула мне в глаза.

— Нашёл, — буркнул я.

На входе стоял громила — местный вышибала, догадался я. На голом торсе — крест-на-крест широкие ремни. Кожаные штаны, свободные, здоровенный ремень. Обувь как обувь.

— Сунь ему 2 тина, — посоветовала Кира. — Жёлтых. (Чуть красных не сунул.)

— Сколько это — 2 жёлтых? — поинтересовался я.

— Кувшин эля, — ответила она. — Литр.

Я называю меры веса и объёма по-земному: они приблизительно схожи, да и в голове у меня слышится перевод на русский.

Проходя мимо здоровяка, я протянул монету, и она мигом исчезла в кармане у него. Бугай мне приветливо осклабился.

— Ну, — подумал я, — может, он, если что, заступится? — трусливо подумал я. — Зараза, — снова трусость пацана моего тела высунулась.

— Эй, спрячься, чмо, — злобно прошептал я этому говнюку.

Вышибала услужливо приоткрыл нам дверь, пальцем поманил пацана, работающего здесь, шепнул ему на ухо, и тот повёл нас к столику в углу.

Я догадался и сунул ему тоже 1 жёлтый тин. Пацан повеселел — видать, редко дают на чай.

— Ещё не сел за стол, а уже убытки несу, — внутренняя жаба мне напомнила.

Паренёк в белом берете и в таком же фартуке, сухой, сгонял к стойке и вернулся, положив на стол... меню???

Охренеть — не думал, что в таком глухом средневековье есть меню. Правда, называлось по-другому — «заказ».

Я углубился в чтение, но предварительно сказал принести самое вкусное и кувшин вина, предварительно посмотрев на подругу — та кивнула.

Вот заказ (меню):

- * лепёшка — 1 ж. тин;
- * кувшин эля (они тут обычно все по литру) — 2 ж. тина;
- * квас, морс и какие-то фруктовые напитки — 1 ж. тин за кувшин;
- * тарелка с фруктами — 6 ж. тин;
- * жареная любая утка — 5 ж. тин;
- * блюдо барашка и другое мясо — 6 ж. тин;
- * вино (литр) — 10 красных тин (полсеребрушки);
- * овощное рагу — 2 ж. тина;
- * мясное рагу — 3 ж. тина;
- * мясная похлёбка — 2 тина, любая каша с салом — 2 тина.

Ну и всё, остальное заказываешь напрямую хозяйину таверны, типа из подпола. Барашки на вертеле и другое мясо — также порционно, по 6 ж. тин.

Ещё что-то написано — надоело читать, и я положил заказ на край стола.

Дальше стали пить вино, вкусно есть, даже танцевать. Я старался держаться на расстоянии во время танца, чтобы не прикасаться, она мне очень нравилась. Комплекс, твою налево.

Всё ждал, что кто-то будет наезжать, но не случилось. Драться-то я хорошо умею, вот только тело мальчика непривычно к бою. Правда, помня бой с «медведем», я всё-таки починил тело. Нужны тренировки — очень, и я этим займусь.

Веселились до утра. Кира, проводив меня до постоялого двора, ушла домой. А я пошёл скулить о потраченных деньгах. Шучу, конечно. Потратил я всего 2 серебрушки (из-за вина — так бы вышло меньше), 5 красных тин и 14 жёлтых. Вот так погуляли — бюджет мой надломился.

Ещё учиться, тратиться, а где заработать монет — не знаю. За комнату на постоялом дворе плата — 5 ж. тин в сутки, плюс один обед — договорились на 3 жёлтых тина. Но таким обедом сыт не будешь: похлёбка или каша с салом, пол лепёшки и пол литра эля или кваса.

Короче, моих финансов надолго не хватит.

Я — спать. Завтра на рынок: договорились с Кирой, что-то надо прикупить. Снова траты. Конец 9-й главы.

Глава 10. Шестой

Проснулся я поздно утром, умылся, оделся в свою единственную и потрепанную одежду. Нацепил на себя свой крутой кинжал с синим камнем и ножнами, отделанными серебром. Смотрится шикарно. Кошель наполнил серебром, достал из сумки ещё один кошель — отцовский. Он, правда, стрёмный, но крепкий, — ссыпал туда все тины. Мой-то расшит гербом серебряной нитью. Обулся в свои кожаные полусапожки, кстати, потёртые уже, но видно, что не дешёвые.

Хотел уже выходить, но решил посчитать монеты. Оказалось: 16 серебрушек, 29 красных тин и 40 жёлтых. Рассчитался утром с хозяином постоялого двора. Вышел во двор, огляделся и пошёл по улице, ведущей в центр, на площадь. В Медной долине все улицы вели на площадь.

Дошёл довольно-таки быстро — вроде городок небольшой, население около 700 циклов, но приезжих набралось ещё пару сотен. Сюда съезжаются со всего королевства Циклов и из соседних. Купцов из соседних стран немного — по регламенту, по списку. А вот просто приезжие, покупатели — их поболее.

Я ходил вдоль лавок и тупо пялился: денег немного у меня, а купить много чего надо. Палатки, навесы и просто товар раскладывали на сундуках и ящиках — всё это стояло большим кругом (площадь круглая), и весь народ ходил кругами, натёкался друг на друга. Как стадо баранов.

Минут через 15 я нашёл, что искал, — лавку по продаже мелочёвки. Цикл немолодой, с двумя глазами, верхний был не раскрыт. Такое у них сплюшь и рядом, больше половины. Говорят, третий глаз есть только у знатных, у кого род круче Яшки Косого, то есть местные дворяне, если так выразиться. Кира из них, внучка старейшего.

Я отыскал глазами кусок мыла чёрного и типа банного, серого. Купил оба куска за 6 жёлтых тин, прикупил себе две пары носков. Да! Сам обалдел, увидев их в продаже. В этом мире они есть. Трусов не нашёл, купил серые тонкие подштанники, тоже двое. Дядька запросил 12 тин, сговорились на девяти.

Зубной порошок, деревянную зубную щётку с конским волосом и щётку для чистки одежды — отдал 24 жёлтых. Рядом купил плащ, подбитый мягким мехом с ворсом. Особенно ворс смотрелся шикарно на капюшоне, — отдал 2 серебряшки.

Штаны, кожаную куртку и перчатки взял за 5 серебра. Жёлтые тины закончились, влез в красные. Осталось 9 серебряшек и 28 красных тин. Увидел людского купца, подошёл к нему.

— Здравствуй, почтенный Дун, — поздоровался я.

— И тебе здравствовать, молодой человек.

— У меня к тебе просьба имеется, — обратился к купцу.

Купец охренел: незнакомый пацан подошёл, ещё что-то просит. Я достал свиток из кошель и протянул ему.

— Что это?

— Это ты мне скажи, — нагло попросил я, — прочитай, если умеешь, а если нет, то извини. — Развернулся и сделал вид, что ухожу.

— Постой! — затрясся купец жидкой бородкой, как у козла. — Это я-то не умею?!

(Я мог читать по-цикловски, а по-человечески — нет, хотя все люди континента разговаривали на общем языке, а письмо у каждого народа своё.)

— Ну, дай, — протянул руку, увешанную перстнями, как у тёлки, — и забубнил: — Ишь ты, не умеет...

Развернул и громко стал читать, чтоб все слышали и знали, что он читать умеет:

— Сия грамота удостоверяет, что сей податель является благородным сыном Роберта Ди Грэя, чем удостоверяет магическая печать, к коей прикладывается кровь подателя для заверения. Подпись: король Лавенсии, Ричард III.

Закончив читать, купец уставился на меня, как и близкие к нам циклы.

— Ты где это спёр, малец? — раскудахтался Купчино.

— Верни, — потребовал я и положил ладонь на кинжал. Купец только заметил его и быстро оценил его стоимость.

— Ладно, отдам, но кинжал продай, дорого дам.

— Какой пряткий? — изумился я. — Перед тобой дворянин, а... — тут же перебил меня купец.

И зашипел:

— Ты ещё докажи, что ты дворянин, это во-первых. Во-вторых, если ты и даже Ди, то это обычный безземельный дворянишка!

И тут купца понесло. Весь раздухарился, разорался... Я молчал, ждал, когда наговорится.

— Мы, купцы, типа двигатель торговли. Мы кормим всех, а вы, безземельные... Ишь, благородные, да ты не в той стране! Тут ты никто! А я!

— Головка ты... от кое-чего, — закончил я за него.

— Я дворянин, хоть и безземельный, и не этого королевства, но дворянские привилегии чтут во всех странах! Ибо! Тогда и собственных дворян не будут чтить вне дома! — «Эко, блин, я завернул?» — подумал я и воодушевился. (Я возвысил свой подростковый голос, боясь сорваться на петушиный.)

Старый мешок с деньгами что-то хотел выкрикнуть, но ему легла тяжёлая рука стражника. Купец сник.

А я продолжил, пока меня не заткнули:

— И неуважение к благородным других стран! Это плевок в лицо нашим старейшинам!

Они тоже благородны! Мы с ними братья!

Купец боднулся от руки стражника, выскочил к публике и возопил:

— Да мне сам ваш король грамоту дал! Я пользу несу! — заволновался он.

И тут я поднёс спичку:

— Ты! Обворовываешь циклов на перепродаже своего барахла!

— Да не стоит твоя грамота капли медной крови этих циклов!

— Меня сама Вельга на Очке Предков проверила и сказала, что во мне медная кровь!

— Я не знаю откуда, но Вельга не ошибается, и все это знают! — (С надеждой я заглядывал в лица.)

— А ты вор!!! — «Бей его!» — заорал я и ретировался.

Циклы бросились с кулаками на купца, и на служащих, запинали его охрану, разорили его лавку, а ещё кто-то насрал ему на стол.

А я потихоньку улизнул, прихватив с его стола (пока речь толкал) кошелёк с деньгами, и пулей побежал на постоялый двор.

«Дома» я открыл тайник (не говорил вам), отодвинул половицу, положил туда кошелёк, вернул половицу на место и придвинул кровать. Спустился вниз, кликнул служащего-циклика, сунул ему щедрые чаевые (один жёлтый тин) и по-дворянски молвил:

— Скачи, мой юный друг, зови хозяина, есть разговор к нему от благородного.

Зря я нос задрал, он всё равно не понял, что я про себя.

— А где благородный-то? — обезумевший работник спросил, скорее всего, от тина, чем от моей болтовни.

— Зови, скажи срочно... потом ещё копейку дам.

— Чего?

— Тин получишь.

— А-а-а.

И ускакал.

Циклы все так к деньгам относятся, я это понял по рассказам Киры. В основном циклы торгуются меж собой обменом: ты мне масло, я тебе мясо, ты мне иголки, я тебе шерсть. И в их народе ходит наличности мало, они её копят и складывают. Немножко тратят раз в неделю на приезжих купцов, но в основном монетку к монетке — и под замок.

Я сидел как на иголках, ждал хозяина постоянного двора. Не терпелось кое-что ему сказать, потом быстренько свои новые монетки посчитать. Я, как царь Кашей, хочу быть, над золотом чахнуть.

Пока ждал хозяина, служка мне приволок кувшин с элем, я кинул ему три тина (кувшин стоит два) и сидел не скучал. Но недоциклоп от счастья всё бегал возле меня и тёр тряпкой мне стол. Я зажмурился от счастья: «Дворянин, не х... собачий».

Стукнула дверь — хозяин.

— Кто звал-то? Благородный где? — с интересом спросил он у пустого зала.

— Почтенный, присядь.

Короче, я ему всё рассказал, кроме кошелька. Он присвистнул:

— Ну и дела-а... Что дальше делать хочешь?

Присвистнул-то он не от моего статуса, а от новостей. Моим статусом тут только подтереться.

— Ты известный и уважаемый, собери народ на площади.

И рассказал ему план.

— А что я иметь буду? — деловито он спросил и подтянул мой кувшин с элем к себе.

— 10 монет, — и не жёлтыми.

Хозяин скривился:

— 10 тинов красных? — усмехнулся он.

— Беленьких, — положил его на лопатки я.

К вечеру уже толпа шумела на площади. Мы с Бором (хозяин постоянного двора) договорились заранее: он со своими работниками на телегах подвёз 10 бочек пива, по 40 литров.

Перед тем как позвать Бора на разговор, я подсчитал монеты купца — вышло 300 грамм чистого серебра, то есть 200 серебрушек или, на пересчёт, 20 оленей.

Когда доставал грамоту на дворянство из кошелька, я его потряс, и оттуда выпал ещё меньший свиток. Я-то толком не лазил в нём, только пальцами кругляши доставал.

Этот свиточек я позже Бору показал — оказалось, он умеет читать человечье. Там было написано моим отцом, что когда в королевстве началась междоусобица рыцарей, отец побоялся за меня: мы же безземельные, у нас нет дома-крепости, только домик в столице (кстати, в грамоте он подтвердил, что домик остаётся мне), и он меня повёз со своими воинами. Они присягнули ему на войне и стали носить его цвета, признавая сюзеренство, а он им платил едой и тем, что в карманах брякало.

Свиток был мелкий, написано не видно. Бор притаранил лупу (я спросил: «А на фига она у тебя есть?») Смотрю — за служанкой, как столы моет). Лупу пришлось выкупить за 5 красных, иначе отказывался читать.

Везли они меня к родственникам матери. Оказалось, что в молодости, на войне, он освободил цикличку, та решила с ним остаться... Ну и вот он я. А звали мою мать Ния, и она из этого городка. Я — от их соития.

Думали, что меня защитят мамины родственники, а получилось, что родственники убили весь отряд, и я волей полубогов циклопов вернулся на родину. Вот и медь у меня в крови.

«Итак, 85 потратил, в запасе 120 (без моей карманной мелочи). Дальше всё по ролям пошли. (Нифига не 120 осталось: я по 10 отдал Бору и Велу, так что 100.)»

— Народ! — зычно лайнул Бор. — Слушайте!

Бор поднял рукопись, зачитал. Вельга вышла, продолжила — народ молчал. Потом Бор достал дворянский свиток, показал народу магическую печать (все знают, что это, и капля

крови расскажет, кто есть кто), его тоже зачитал. Народ офигел. Они поняли... А я не понял. Я про этот сюжет и не знал.

— Проснись, — толкнула меня в бок Кира.

— Ну и устроил тут, — счастливо сказала.

— Кир, я чё-то не понимаю?

— Слушай!

Бор:

— Подойди, Ди Грэй (имя-то нет пока).

Я подошёл, вытащил свой кинжал и полоснул по ладони...

— Аааа, бля, бля, сукааа! — проорал я про себя. Сжал кулак и капнул на печать.

Свиток вспыхнул буквами на миг, по моему телу прошли искры, видимые всем. Народ заорал: «У нас шестой старший! У нас ещё минус налог! Урааа! Наше селение богаче!»

Люди обнимались, плакали, про пиво пока забыли, потом вспомнили и покатили бочки с пивом. Тут вижу — торопятся четыре старейших, без деда Киры. Кира сияла. А я как баран стою и не вхрюкиваю.

Народ наперебой дворянам старшим новость рассказывает. В общем, старшие хохотать стали и выплясывать.

— Кир!!! Чё творится? — я напугался не на шутку. Хрен знает, что за обычаи тут.

Кира улыбалась, даже верхний её глаз сиял, как медная монета. Старшие сквозь толпу пробрались, меня похлопывают, а я рот разинул. Один из старых сказал:

— Кира объяснит.

Короче, мы с Кирой смылись с этого дурдома. Пошли к речке. Она была за восточными воротами, на ночь не закрывали. Мы в конце королевства, бояться незачем.

В общем, мне Кира всё рассказала. В королевстве, кроме столицы, 58 городков, в каждом правят по 5 дворян-старейшин. Закон циклов гласит: если в поселении есть дворянин (это я на наш язык перевожу), считается, старший из рода — один голос. То есть с поселения не взимают 10 % от налога.

Почему? На дворянах держится власть королевства. То есть 58 поселений — 58 дворян, совет королевства; совет и решает всё. Король — он как военный вождь. Ну и все в селениях боготворят дворян: чем больше дворян, тем жирнее живёт народ. А в нашем селении появился законно я. То есть ещё минус 10 % с налогов. А излишки раздают народу, почти. Там и дворянам на хлеб с икрой остаётся.

Но у дворян и обязанности: у всех в селениях почти по 5 семей благородных. Один руководит ремесленниками, другой — торговлей, ну и так далее.

Как я оказался шестым? Совет с Вельгой узнали, что во мне есть небольшая, но есть медная кровь — раз; туман меня не убил — два; письмо от отца с доказательствами, печатями и именем матери — три. А печати врать не будут, да и почерк один на свитках, да и все помнят, как Нию (мать) захватили.

В общем, старейшины торопятся и готовятся ехать в столицу с доказательствами, что я — их шестой.

Кира висела счастливая у меня на шее.

— Ты-то чё веселишься? — спросил я.

— У нас статус селения поднимется, тут город будет, — ответила она. — Шесть уже...

Лет 120 ни у кого не было. А чужака нельзя брать в селение на правление, а твоя мать отсюда.

Я ох... обалдел.

Конец 10-й главы.

Глава 11. Охота

Проводив Киру до дома, я просто стал слоняться. Какое-то опустошение. Наверное, напряжение спало. Я всё это время был как в гостях в этом мире, а сейчас какой-то статус будет.

— Что утро даст? — спросил я в звёздное небо.

— Иди спать, придурок, — ответило моё «я».

Я не ответил сам себе. В моём мире ходить вечером по улице светло, а тут хоть возле домов какие-то лампы масляные висят, но, думаю, сейчас потушат. Масло-то монет стоит! — подумал прижимисто. — Надо тело своё цеплячье развивать: я всё забываю, что я в теле ребёнка-пердуна, а то кто-нибудь навалит мне, — опасно оглядываясь, подумал я.

Завтра на совет позовут, всяко. Я заулыбался. Всё-таки дворянские титулы в двух королевствах я хапнул! Хотя в этой циклопии и называются старейшины, но суть та же.

Дом Киры был во втором ряду круга: хоть и одноэтажный, но с кучей пристроек и выглядел достойно. Первый круг домов обрамлял площадь, а потом лучами от круга расходились улицы. Пять основных улиц я насчитал.

Идти спать надо — постоянный двор в конце городка. Погружённый в свои размышления, я не заметил, как из переулка вышел к таверне.

— Хмм, — хмыкнул я.

— Да хрен ли дома делать, — поддержал себя родного.

На поясе висел кошель с теми остатками денег из ущелья.

— Господин Ди Грэй! Рады тебя видеть, сейчас организую столик! — засуетился громила на входе, улыбаясь тремя зубами спереди.

Я нырнул рукой в кошель и выудил пятак красных тин.

— Сука, не та монета, — подумал я и увидел, что вышибала заметил мои манипуляции. Как-то стало стрёмно искать монету подешевле, и я торжественно вручил здоровяку.

— Держи, дружище, — важно сказал я и протопал в зал.

Пахнуло теплом, мясом и элем — в животе заурчало: я не ел целый день. Тут резво подскочила девчушка, улыбнулась мне тремя глазами и предложила место за ширмой. Я согласился и, важно, будто гусь, прошествовал за ней. Отдельная комната — просто завешенная тряпкой, — тишины не прибавила, но хоть уют. Сунул трёхглазке тин в ладошку, уселся. В голове от всего, что произошло за день, гудело.

На столе уже стоял кувшин с элем и ещё какая-то снедь.

— Вел постарался, — улыбнулся я. Да, сегодня он на мне больше пятидесяти монет серебра заработал.

Я сразу догадался что это он, таверна принадлежит Бору, но Вел уже знал мои привычки заходить в таверну.

Но я был рад этому и честно горд: хоть что-то начало налаживаться.

Вел мягко подкрался и хлопнул меня по плечу. Он весь из себя улыбался, словно проснулся дворянином.

— Как мы сегодня? — спросил он.

Я поддержал его улыбкой.

— Спасибо, Вел.

— Да брось.

— Слушай, как ты смотришь сходить на охоту? — пылливо посмотрел на меня Вел с надеждой.

— Да я как-то с арбалетом привык, а тут с палками... — Я кисло улыбнулся. — Да не слушай меня. Просто устал и несу всякую хрень.

— А на кого охота? И с чем?

— Да на тернов. Сейчас сезон — с луками и копьями пойдём. — Вел чуть нахмурился. — А что такое арбалет?

— Аа, даа... Что-то из памяти всплыло: стрелковое оружие какое-то, и вроде я умел с него стрелять. Забудь.

— Слушай... — Вел тихонько толкнул меня в плечо. — Мне как-то тебя Ди Гиром звать не очень. Имя-то вспомнил?

— Завтра вспомню.

— Я-то как охотник никакой, если только постоять, покараулить, — сказал я.

— Я хвалиться не буду, но я у нас в городке один из лучших стрелков! — не без гордости заявил Вел.

Я встрепенулся. Бля-ха-муха! Хотел же свою тушку под натаскать... А завтра ещё в Совет идти. Ладно, подождут.

— Согласен! — протянул я свою мальчишескую лапу.

— Добро! — крикнул Вел и придавил мою ладошку своей ручищей.

— Вам-то какой резон меня звать? — закинул удочку я.

— Ну, ты один из шести, как-то почётно, — заулыбался он.

— Ох ты и лис! — рассмеялся в ответ. — Но ты меня научишь стрелять! — ввернул свою выгоду.

— Добро, — довольный Вел потёр руки.

— Как соберётесь — свисти.

На том и расстались. Я добрёл до постоянного двора и завалился спать.

Поту, почти в темноте, появились эти чёртовы охотники... На фиг я согласился? Но стрёмно было сдавать назад — стал собираться. Пока мылся и одевался, появился сюрприз.

Конечно!

— Кира? — растянул я рожу от удовольствия. — И ты с нами?

— Нет. Ты со мной! — кокетливо улыбнулась она и поочередно подмигнула мне всеми глазами.

Мы вышли втроём в свет — я, Вел и Кира — и увидели толпу провожающих. Оказалось, на охоту провожать — это событие. Люди махали нам и что-то галдели.

Позже я узнал, что тут традиция: по приезде с охоты половину добытого готовили прямо на площади и угощали всех. Правда, пиво пил каждый своё.

— Хорошая традиция, — подумалось мне, и я весело помахал толпе.

«Так вот что мне вчера про статус пел Вел?» — подумал, улыбаясь.

Мы быстрым шагом подошли к коням. Мне досталась пегая коняга. Тронулись. Я по молодости раза три с лошади падал — опыт есть. Кобылка подо мной оказалась смирной и болела стадностью: тупо шла за ведущими.

Выехали через ворота. Стражники махнули нам копьями в приветствии, и мы покатили. С нами — Кирой, Велом и мной — поехали два сына Вела (Дин и Торг, погодки: шестнадцати и пятнадцати лет) и шестеро Циклов.

За нами катилось шесть телег, управляемых теми же охотниками; их лошади были привязаны к телегам и флегматично топали за ними.

Многое узнал. Узнал, что страну Циклов можно насквозь за три дня проехать — от ущелья до каньона, а от южных скал до северных — за полтора; что окружена она с трёх сторон грядами непроходимых скал, и единственная сторона на восток — это равнина, но ненадолго. Строго с севера на юг пересекает каньон... Короче, он закупоривает Циклов от мира полностью. Единственные проходы — это мост через каньон и проход через Проклятое ущелье...

Я слушал всех, не перебивал. Знания нужны. Говорили и про Ворона из ущелья... Я молчал. Да и что мне сказать-то?

Ехали так ещё часа четыре, и

Вел объявил привал. Охотники попрыгали с телег, стали распрягать лошадей, путать им ноги. Телеги расставили кругом, а в центре поляны стали готовить большой костёр. Дин и Торг убежали за топливом, взяв топоры, мечи и луки.

Вел говорит, надо быть осторожными: в скалах, в пещерах живут гоблины, и они любят грабить и убивать одиноких путников и небольшие отряды. Хотя их вожди — северных и южных скал, пафосно называвшие себя королями, — клялись, что это не они нападают, а изгои. Хотя никто не верил этому. Эти «короли» получали от набегов половину всего добы-

того. Вожди гоблинов активно торговали с купцами — и за деньги, и на обмен, — обе стороны были довольны сделками.

Кира — дворянка и довольно красива, а Циклы любят и уважают своих благородных. Я любовался этой девушкой: грацией — как с коня прыжком... Как нагнулась... Как всё натянулось... Как и у меня натянулось в штанах.

— Рот закрой! — усмехнулась Кира; она уже давно стояла рядом. — Пока я мечтал.

— Я не верю тебе! — сказала трёхглазка (то есть мне).

— Мм?

— Ты так и не сказал своего имени.

— Ты знаешь, какого рода...

— Кир! Какие самые лучшие имена ты знаешь? — закинул удочку я.

— Ну, много... Мне нравится Ричард... Бармин...

— Стоп! — я вспомнил! — Ты золото, Кира! Ты знаешь?!

— Что?! — заволновалась красавица.

— Я Ричард! — возопил я. — Вспомнил!

— Ты не понимаешь, как тяжело было без имени! И всё время зудело на зубах: rrr-rr-рич...

— Спасибо...

Я сел на землю (или камень), Кира опустилась рядом. Я голову положил ей на колени и туманным взглядом глянул вдаль. Кира обняла меня; у неё слёзы выступили... Но я заметил её верхний глаз — он смотрел на меня. Он не поверил. Мне было стыдно.

Все охотники занялись делом: кто костёр разводит, кто готовить начинает. Все были возбуждены и радостны: они узнали, что «их» Ди Грэй вспомнил своё имя. По их разговорам, на переговорах с королём будет легче; меня-то теперь представят полным именем и назначат шестым!

«Ага! — забубнил я старую пластинку про себя. — За мой счёт хотят раком в Китай вьехать». Смолчал я и повернулся ко всем спиной.

Недолго лежать пришлось. От переживаний у меня скрутило живот.

— К травнице надо заглянуть, — подумал я и тихонько пустил шептуна.

— Что с тобой? Ты не рад, что вспомнил?

— Рич, боль пройдёт, — давай я рядом полежу с тобой у костра. Тебя трясёт, чую...

— Рич??

— Да?

— Ты опять?

— О чём ты, Кир?

— Воняет!!!

— Да ну вас всех! — вскочил я. — Подумаешь, может, я расчувствовался, не каждый день Ричардом становишься!

Обидевшись, я снова лёг, накинул шкуру на голову и спокойно уснул.

Через пару часов меня растолкали. Охотники услужливо сунули мне здоровенную кость с мясом и медный кубок с тёмным элем. Я счастливо вздохнул и стал поглощать мясо, при этом (забывшись) громко и вкусно чавкать.

Кира с укором посмотрела на меня, покачала головой и отодвинулась подальше от меня (типа не знает меня). Я заметил и стал жрать с закрытым ртом. Так оказалось невкусно, и я забросил кость за телегу — там кто-то ойкнул. Оказалось, я костью попал по затылку сидевшему караульному.

Вытерев руки о траву, я быстренько улёгся и притворился спящим.

Караульный припёрся в круг и зло спросил окружающих:

— Кто кинул в меня?

Все пожали плечами. Злой караульный вернулся на пост, а Кира смотрела на меня с изумлением.

— Ну ты и фрукт! — сказала она строго (а верхний глаз аж взбесился). Потом она не выдержала и звонко расхохоталась.

Я поддержал её натянутым хохотом и, потянувшись, укрывшись шкурой, задремал.

Конец 11-й главы.

Глава 12. Схватка

Утро было мерзким. Холод пробирал до костей, а вчерашний эль шумел в голове глухим гулом.

Ещё эти крикливые вороны разорались.

Вел поднял всех ни свет ни заря. Этот жизнерадостный медведь орал так, что птицы с окрестных скал всполошились:

— Охота ждёт! — и пинал спящих охотников сапогом.

Ричард со стоном поднялся, плеснул в лицо ледяной водой из фляги и понял, что лучше бы умер вчера.

Отряд выдвинулся в серую предрассветную муть. Настроение у всех было приподнятое.

— Везёт же им, — завистливо подумал я и потянулся за бурдюком с элем.

Кира заметила мои телодвижения и подъехала ко мне.

— А не рано ли с утра напиваться? — наклонившись с седла, шепнула мне в ухо Кира.

Я выдернул пробку, приложился, потом ещё и ещё. Закрыл, убрал, рыгнул. (Тепло прокатилось по нутру, и стало хорошеть.)

— Ты мне пока ещё не жена! — ответил я, подняв указательный палец и весело посмотрев на подругу.

— А ты... — Она легонько огрела меня по спине ладошкой. — Не жена пока, иш... — не находя слов, толкнула меня. — Размечтался, двухглазый! — И снова толкнула так, что я чуть не свалился с кобылы.

Рядом ехал Вел, успел меня поймать за руку и удержать. Вела это веселило, и он от души лыбился.

— Да-а-а, — протянул я, — все женщины одинаковы.

Тут я мечтательно и многозначительно выдал:

— Была у меня знакомая подруга, близкая... — Говоря это, я одним глазом косил на реакцию Киры. — Так вот, очень красивая была, с четырьмя глазами и не колотила меня. Эх, как мы с ней...

Тут мне прилетело конкретно, и я свалился влево, прямо на Вела. Вел удержался и кое-как затолкал меня на мою конягу. И начал ржать.

— Ты не зли её лучше, — ржал Вел.

— За что-о?! — завопил я.

— За то, что врёшь! Не бывает с четырьмя глазами, да ещё красивых! Самые красивые — с тремя глазами! — Высказав тираду, она ткнула свою лошадь пятками и ускакала в голову отряда.

Мы все, кто был рядом, восхищённо посмотрели ей вслед.

Охотники, услышав от Киры, что трёхглазые — самые красивые, подтянулись и с превосходством незаметно поглядывали на меня.

— Чего вылупились? — прикрикнул я на наше воинство. — Трёхглазые — красивые женщины, а не вы.

Все дружно заржали.

Впереди, метрах в двухстах, маячили две фигуры авангарда: разведчики ушли далеко вперёд, высматривать следы тернов и другой живности. Изредка кое-кто из охотников, приподнимаясь на стременах, выстреливал из лука по птицам и зайцам, отъезжал от отряда за дичью и возвращался. На ходу ошкуривали добычу, подавали в телеги, где, болтая ногами, сидели Дин и Торг. Они принимали тушки, прыскали на них какой-то жидкостью, заворачивали в тряпицы и рядками укладывали на дно телег.

Вышла Сая — будто само местное божество вывалилось на небосвод: тёплая, яркая, и даже этот серый рассвет от неё светлее стал. По рукам пошли бурдюки с элем.

— Сильно не налегать на эль! — прикрикнула Кира и оглянулась на меня.

Я развёл руки, мол, не пью, и показал девушке язык. Та, фыркнув, демонстративно отвернулась от меня. Натянув лук, отправила в полёт стрелу и сразу, толкнув свою лошадь, рванула за тельцем, падающим с неба.

Вернувшись обратно, она подъехала ко мне и кинула мне дикого гуся.

— Передай Дину, — сказала она, подняв коня на дыбы, и ускакала.

— Эй! — крикнул ей в спину. — Вообще-то я дворянин! — обидчиво орнул я.

Кира, не оборачиваясь, ответила:

— Я тоже, но в походе все выполняют обязанности независимо от положения, — закончила она поучительную речь.

— Я знаю, — не сдавался я. — Могла бы и подать.

Кира пропустила мимо ушей и уже погналась за зайцем.

Основной отряд из одиннадцати душ растянулся длинной колонной. Телеги катились в центре, вокруг них гарцевали конные, остальные топали пешком, давая отдых лошадям, переговариваясь и беззлобно подшучивая друг над другом.

— Эй, Торг! — крикнул кто-то сзади. — Смотри не усни на ходу, а то опять телегу перевернёшь!

Торг, младший сын Вела, только показал говорящему кулак и заржал в ответ.

Ричарду досталась смиренная кобылка, которая тупо плелась за второй телегой. Сам Вел был тут же: проверял снаряжение у сыновей и охотников. Охотники ехали и верхними глазами (у которых были) постоянно сканировали скалы, нависающие над тропой, но даже они выглядели расслабленными.

— Эй, господин Ди... то есть Рич, — Вел подъехал ближе. Его голос стал тише, серьезнее. — Держись центра строя. Если начнётся заварушка, твоя задача — не геройствовать, а спрятаться за телегу. Понял?

Я молча кивнул. Стрелок из меня был как из дерьма пуля, но это надо было признать.

— Что-то увидел? — тихо спросил я.

— Что-то не может быть так уж хорошо, — пробурчал он и ускакал в хвост колонны.

И тут идиллия закончилась. Разведчики вернулись галопом, поднимая тучи пыли. Они осадил коней так резко, что те присели на задние ноги. Смех и разговоры мгновенно стихли.

— Гоблины! Около сорока особей! Идут в нашу сторону! — выкрикнул один из разведчиков.

— Прямо по курсу, там, где начинается лес вдоль скал, — махнув рукой куда-то вперёд, добавил другой охотник.

Вел стал быстро раздавать указания охотникам. Я слез с кобылы, схватил под уздцы тележную лошадь и стал заворачивать её в круг, как и другие парни.

Лошадей всех загнали в круг за телеги. Из телег доставали сколоченные из досок щиты и устанавливали их поверх транспорта.

Воины-охотники натягивали на себя кожаные куртки со стальными полосами-нашивками, надевали на голову круглые кожаные шлемы, проверяли луки, тетивы. Дин и Торг подавали из телег пузатые колчаны со стрелами.

Никто не суетился — все «работали» слаженным коллективом. Было видно, что этот отряд не впервые с таким сталкивается, — это меня воодушевило.

Вел подошёл, сунул в руки лук и колчан.

— Господин Ди Грэй, — с серьёзным видом сказал Вел, — прошу не высовываться и не геройствовать. Иначе дома мне открутят голову за потерю нашего дворянина.

— Это официально, — сказал Вел. — А как другу, Рич... Надеюсь, мы друзья, и я не хотел бы тебя потерять. И не забывай о Кире — она любит тебя. Ты что, так и не понял? — усмехнулся медведь.

Он хлопнул меня по плечу и собрался руководить защитой.

Я тронул его за рукав.

— Вел, ты правда мне друг, и спасибо тебе, — растроганно сказал я.

Вел хмыкнул и улыбнулся.

— Для меня большая честь быть твоим другом, и это мне льстит, — засмутился гигант. — И одно плохо...

Я поднял голову и удивлённо взглянул на Вела.

— Теперь я не смогу брать с тебя оплату за жильё, — и заржал Вел как конь.

Кони вздрогнули, но не заржали.

Я рассмеялся тоже и хлопнул друга по плечу.

— Ладно, иди, — ответил я, — а то щас расплачусь. — И, улыбаясь, пошёл к телегам за щиты, пробуя тетиву на звук.

Гоблины шли в три ряда широким хватом, беря нашу «оборону» в полуобхват.

Я пригляделся к наступающим — мне было интересно: я только в книгах читал про них, да и в фильмах видел.

— Офигеет, — присвистнул я, — как в кино! Те же рожи!

Кира стояла рядом, глядя не отрываясь на наступающих. Лицо у неё было красивое, напряжённое, немножко красное от волнения или адреналина — я залюбовался.

— Что за кино? — не отрывая взгляда от гоблинов, спросила меня Кира.

— Потом расскажу, — ответил я и, оторвав взгляд от неё, посмотрел вперёд.

Гоблины остановились перед нами метров за сто, полагая, что наши луки до них не достанут.

Далеко за спинами гоблинов виднелся лес, справа от нас километра три высились серые скалы, пиками теряясь в облаках. Ветерок, который был, исчез — стояла звенящая тишина; только изредка схрапывание наших коней напоминало мне, что я не сплю.

Наш лагерь Вел выставил грамотно: позади нас был овраг шириной метров восемь, в длину — больше ста метров, в глубину — метра четыре. Но овраг был покатый: по нему можно забраться, но придётся помогать руками карабкаться — оружие будет мешать.

Спереди и по бокам было здоровенное поле, усыпанное яркими цветами — аж резало глаза. Цветов было море: ярко-синие, красные, ядовито-зелёные, жёлтые... Красота. Только эта красота будет полита зелёной и тёмно-красной с отливом меди кровью... Гоблинской и медной...

Войско гоблинов было разношёрстно, одеты — в чём попало. Резко бил по глазам их цвет кожи — бледно-зелёный.

Я сплюнул под ноги.

— Жабы, сука, собрались, — громко сказал я, подбадривая товарищей и разряжая обстановку.

Ребята рассмеялись.

Я посмотрел на «наших» и перевёл взгляд на «не наших».

— Вот это контраст! — громко крикнул я, чтобы услышали и гоблины. — Жабы приползли учить меднокровых?! Пошли на х.., в своё болото, пока мы вам ласты в зад не засунули!

В наших рядах раздался хохот, а гоблины стали потрясать луками, дубинами, ржавыми мечами, а кто и кулаками, и от обиды что-то нам выкрикивать.

Я понял, что гоблинам не понравилось, что я их сравнил с лягушками.

Кира посмотрела на меня с восхищением.

— Как метко ты их сравнил с жабами! — проговорила она.

Мы, не сговариваясь, повернули головы к гоблинам.

Толпа гоблинов качнулась и неровным строем медленно покатила на нас.

Вперёд носились несколько гоблинов и выкрикивали какие-то приказы толпе. Во время движения в первые ряды протиснулись те, у кого были щиты и копья. Щиты были разномастные: у кого круглые, у кого квадратные — даже треугольный заметил. Примерно щит был один на троих.

Впереди строя вышагивали четверо гоблинов ростом повыше других.

Примерно рост обычных особей был где-то метр тридцать — метр сорок. Одеты — как попало: самые нищие шли в набедренных повязках, другие имели какую-то обувь, штаны — кожаные, тряпочные, цвета разные; кто с голым торсом, на ком-то кожаный доспех, висевший как на корове седло. Кто-то в шлемах — даже в железных были. Куртки, ржавые нагрудники, даже женские платья!

Увидев это, я расхохотался, вспомнив эпизод из фильма «Свадьба в Малиновке»: там такой же «воин» ходил в платье. Хотя и адреналин колотил по вискам, но меня это дико рассмешило.

Наши воины на меня покосились, а Кира удивлённо взглянула.

— Что тебя развеселило, Рич? — спросила девушка.

Я ткнул пальцем в строй. Охотники и Кира поглядели, куда я указал, — ничего не поняли. Только один из них расхохотался и объяснил другим. Все начали ржать и дразнить гоблинов, крича, что на войну позвали своих бабушек.

Гоблины услышали, остановились и стали оглядываться. Кто-то из них обратил внимание на своих товарищей в платьях и, сбив его с ног, стал пинать. Другие гоблины присоединились и забили тех, кто в платьях. Им стало обидно, что их позорят за тех дебилов.

Вел приказал охотникам взять стрелы с наконечниками весом 25 г — листовые, против зверей. Он рассудил правильно: тяжёлые наконечники летят на расстояние до 40 метров и способны пробить броню, а лёгкие — до 60 метров. Навесом — до 120–140 метров.

Вел отдал приказ натянуть луки и взять прицел на 135 градусов. Мы натянули луки и подняли вверх.

13 наконечников стрел грозно блеснули на солнце. Мы ждали приказа.

Вел рявкнул команду, перекрывая скулёж и шум гоблинов, пока они дрались и ругались: — Бей!

Тринадцать стрел слитным шелестом взмыли ввысь. Держа лук в руке, я провожал их взглядом и надеждой на хороший сбор урожая в виде трупов.

И тут Сая вышла из-за небольшой тучки, резанула светом по глазам гоблинам.

Светило было у нас за спиной. Мне на миг показалось, что свет встал против тьмы.

— Эко из меня поперло, — усмехнулся я. — Мне надо писать книги. — Потянул с колчана стрелу, наложил на лук, ждал команды, пока стрелы летели в цель.

Стрелы ложились почти равномерно по толпе. Я увидел, как одному зелёному в бок попала чья-то стрела, и он волчком завертелся, упав, замер. Цель нашли семь стрел, из них на смерть — пять, успел я посчитать.

Гоблины рванули к нам и на ходу выдвинули фланги.

— Целься прямо! — проорал Вел.

— Ждём... Ждём... Ждём...

— Пускаааай!

Я выстрелил в бегущего гоблина, разодетого как павлин. На его круглой, несуразной башке в шлем был вставлен... веник??

Отпустив тетиву, моя стрела помчалась навстречу этому попугаю. Зло шумнув, наши стрелы выкосили первый ряд.

Попугай умудрился вильнуть, и моя стрела пролетела мимо, попав заднему в плечо.

— Получи, фашист, гранату! — зло крикнул я и встал в полный рост, так как гоблины приблизились вплотную.

— Кудааа! — заорал Вел.

— Риич! — Всполошилась Кира.

Бросив лук, я потянул меч.

Кира стояла рядом, Вел с сыновьями стояли левее, выкашивая свой фланг; на правом — двое охотников.

Гоблины бежали шумно, некоторые стреляли с луков на ходу. Их луки были меньше наших и сделаны тят-ляп. Их стрелы падали перед нашим укреплением, и несколько вонзились в наши щиты на телегах.

Охотники тоже побросали луки. По центру бойцы выставили копья, на флангах — не знаю как, идёт бой, некогда.

Зелёная волна стукнулась о телеги и полезли к нам.

Достав меч, я ткнул в первого вылезшего зелёного в живот, договорив приготовленную фразу:

— Распишись за пулемёт, сука!

Левой ногой толкнул гоблина обратно, выдернул меч. Кривая стрела ударила мне в левое плечо.

— Рич! Назад!!

Это кричала Кира. Её оттеснили — она была уже в пяти метрах от меня.

Я боли не почувствовал: адреналин зашкаливал.

Театрально повернулся к девушке. Всегда хотел повыпендриваться перед девчонками: мол, видите — я раненый, и какой герой. Удостоверившись, что Кира увидела — и, может, кто ещё, — развернулся обратно к гоблинам, при этом ударив мечом справа налево.

Оказалось удачно: первому отрубил пальцы, второму прошёлся поперёк пуза. Первый заверещал и прыгнул в толпу. Второй растерянно взглянул на меня, опустил глаза на свой живот. Перемешанные кишки с говном повалились на землю. Рухнув на колени, он завалился на левый бок.

Схватка была злой и короткой.

Гоблины развернулись, толкаясь и падая, побежали назад!

Я прыгнул с телеги. Увидев, как Кира, открыв рот, смотрит на меня, погнался за гоблинами. Забыв про меч, раздавал пинки и кричал им:

— Чего, бля, ещё надо?!

Вспомнив про меч, ткнул одному в спину — враг упал.

Я остановился, тяжело дыша. За тошнило жутко. Выблевал утренний завтрак и картинно упал на колени — хотя только тошнило, а боль пока не чувствовал. Потом завалился на правый бок, дёрнул ногами...

«Блять, — про себя подумал. — Переигрываю с ногами. Так делают при смерти. Надеюсь, не заметят».

Прикрыл глаза и ждал, когда меня спасать будут.

Кира склонилась надо мной. Её медные волосы упали мне на лицо. Я открыл глаза и попросил слабым голосом:

— Наклонись...

— Что? — В глазах стояли слёзы, лицо было бледным. Она наклонилась, думая, что я умираю. — Ниже, — ещё тише проговорил я.

Девушка приблизилась ещё, касаясь своим ушком моих губ.

Я не удержался и чмокнул её в ухо, нечаянно оглушив.

— Ах ты гад! — возмутилась она. — Я думала... Дурак!

Встала и ушла.

Я улыбался как дурак.

— Ты меня бросишь тут? — обидчиво крикнул ей вдогонку.

Тут уже подбежали парни, оттащили меня к телегам. Кто-то занялся моей раной. Кира влила мне в рот какую-то гадость.

Я медленно и уверенно пошёл в царство Морфея. Перед тем как отрубиться, услышал, как издали орут гоблины, шлют нам проклятья на ужасном ломаном всеобщем языке.

Улыбнулся и вырубился.

Конец 12 главы.

Глава 13. Домой в Медянку

— Валера-а! Вертушка разворачивается! — Я кивнул головой в небо. — Снова на заход пойдёт! Ты успеешь? — Я с тревогой заглянул ему в лицо.

Валера был в своём репертуаре. Он махнул мне головой, выскочил из моей башни перегруженного отделения и рванул к своей. Наши пушки стояли на юте корабля: моя — на палубе, его — сзади и выше, словно на седая. Башня почти на башне. Ему нужно было пробежать двадцать метров и по короткому трапу добраться до двери.

Время пошло на секунды. Валера бежал по палубе скачками. Вертолёт развернулся, опустил нос и устремился за ним. Пулемёт стал плеваться. Я увидел в замедленной съёмке дорогу пуль по железной палубе. Одна попала в Валеру...

— Нееет! — заорал я и выскочил из убежища. Огромными скачками я подбежал к нему, схватил его за шиворот робы вместе с гуйсом и потащил к себе в башню. Слышно, как рокот вертолёта приближается. Я проклинал шторм, из-за которого половина экипажа от морской болезни лежала в блевотине. Никто не отстреливался. Волны били по палубе и пытались утащить нас в бездну.

Вертолет начал свою смертельную песню. Очередь прошла слева от меня, и одна пуля ударила по руке. Боль пронзила плечо до кончиков пальцев. Левая рука откинулась за спину. Я дотащил Валеру и упал в башню.

— Мляя, чё так больно-то? — застонал я и попробовал пошевелить рукой. Она не слушалась и казалась налитой свинцом.

Мелкий дождь бил по лицу. Что-то трясло меня, качало. «Еду куда-то», — подумал я в пустоту. Веки разлепились с противным чавканьем. Глаза резанула молния. Я зажмурился. Раскат грома догнал меня. «Точно, сначала молния, потом гром», — вспомнил я и уснул.

Через некоторое время я очнулся. Война больше не снилась. Эта — из прошлой жизни. Я вспомнил, где я, что случилось и что меня зовут здесь Ричард Ди Грэй.

Стало смешно, и я тихонько посмеялся, трясая свою распухшую руку с плечом и полу грудью. (Смех был вызван моим именем, которое появилось по стечению обстоятельств. Фамилия Грэй досталась от местного «отца», а имя Ричард, — улыбнулся я, — потому что нравилось Кире.)

Взвыв от боли, я привлёк внимание Кире.

Она склонилась надо мной с тревогой в глазах. Странно: её верхний глаз тоже смотрел печально. Левый покраснел — плакал, что ли? — усомнился я. Правый прикрылся веком. Так глаза трёхглазых себя ведут не всегда, это я уже заметил. При волнении, или злости, или ещё чего. Обычно они, как и у нас, ходят вместе.

Девушка приподняла мне голову, дала воды попить. Я мотнул головой:

— Нет, эля.

Она строго посмотрела, но достала бурдюк и влила мне в глотку. Горло обожгло будто кипятком.

— Что? — спросила подруга.

— Горло, — кивнул я.

— Ты три дня кричал, — ответила она на мой немой вопрос, — какую-то войну вспоминал, вот и посадил горло.

Она подняла мою голову и влила из зелёного пузырька какую-то жидкость.

— Ты на меня столько зелий израсходовала, по гроб тебе должен буду, знаю, они очень дорогие, — встревожился я.

— Молчи, дурак, — беззлобно сказала Кира и слабо улыбнулась. — Ты выздоравливай, а мы тут как-нибудь...

— Сколько я валяюсь? Что произошло за это время? — всполошился я и попытался подняться.

Кира положила ладонь мне на грудь, легонько нажала.

— После боя мы подлечили раненых, собрали с трупов гоблинов всё, что представляет ценность, — устало рассказывала девушка, постоянно убирая непокорную прядь, которая норовила закрыть ей лицо. — Отрезали уши, языки, вырезали желчь...

— Э-э, — кудачтал я, — я понимаю злость за убитого товарища, но это не слишком уж так мстить?!

Вздыхнув, Кира стала объяснять мне, как тупому:

— Ингредиенты.

— Стоп, я понял, — успокоился я.

— Уложили тело Флина в ткань, на телегу и — без крайней нужды остановок — в путь. Вел выбрал путь на равнину, подальше от лесов и гор.

Через день пути нас настигли гоблины. Мы стрелами их отогнали, не останавливаясь. Гоблины хоть и пешком, но выносливые. Пока лошади отдыхают, они сокращают расстояние. Но и у зелёных есть предел — отстали.

На ходу мы охотились. Попалось стадо косуль, зайцы, гуси, фазаны и прочее.

— Так мясо, наверное, всё протухло? — беспокоился я.

— Ну ты же видел, мы поливаем зельем сохранения! — с укором сказала девушка.

Ехали без приключений ещё два дня. Погода испортилась, подкатывала осень. Я мало-мальски поправился, двое охотников тоже; третий, Брэг вроде, так и лежит — наконецник остался в ране. Его к знахарке надо.

Из-за этих гоблинов дали крюк.

Я уже садился в седло, но Вел разрешал ездить только понемногу. Руку трясло, она поскуливала.

Кира повеселела, глядя на меня, постоянно мне ягоды подсовывала. Ребята несколько корзин набрали, пока отдыхали, коней поили.

Утром обоз тронулся.

— До дома недалеко уже, — сообщил здоровяк.

Прискакал один из авангарда:

— Терны!!!

— Наконец-то! — вздохнул Вел и стал раздавать команды.

Оставили четырёх охотников организовать лагерь, остальные вооружились луками и копьями и отправились на охоту. Меня не взяли, хоть я и просился. Кира с Велом разорались так, что я поднял руки, но выдвинул условие.

— Сейчас же с вас по бурдюку эля! — безапелляционно заявил я и для важности своих слов выпятил нижнюю губу.

— Заметано! — обрадовался Вел, что я легко согласился.

Кира вздохнула, но согласилась.

Все разъехались, а я, как дворянин, остался руководить обозниками.

Как только составили телеги, опутали коням передние ноги, развели костёр и замутили жирную мясную похлёбку.

Расселись у огня. Я кинул сидящему охотнику бурдюк. Тот с благодарностью принял.

— Спасибо, господин, — поблагодарил меня вояка, и бурдюк пошёл по кругу.

Эль мы весь вылакали, и я приказал одному из бойцов пошарить в телегах. Вскоре он приволок ещё два бурдюка, и мы под похлёбку неплохо посидели. Я заснул: из-за раны постоянно клонило в сон.

К вечеру приехали два охотника, забрали пустые телеги и двоих обозников и поехали забирать добычу.

Уже было темно, как вернулись наши охотники с четырьмя гружёнными тушами тернов. Они были уже разделаны и сложены. Быстро перекусили, выпили эль (закончился) и улеглись спать. Не совсем.

Кира постелила шкуру и легла.

Я ходил, ходил...

— Холодно что-то и рука ноет, — тихонько я пожаловался и кинул ветку в огонь. Сел рядом с костром и изобразил сироту казанскую своим видом.

— Ну что ты маешься, Рич? — Девушка привстала на локоть и с заботой поглядела на меня.

— Ложись рядом, так теплее.

Меня упрасивать трижды не надо, я сразу залез под шкуру к Кире. Лёг сзади неё, полежал и стал ёрзать.

— Рич, — позвала она, — ты чего копошишься?

— Да холодно что-то.

— Ну прижмись, — и торопливо добавила: — Только без рук.

— Да куда ж я руки-то дену? — возмутился я. — Они же не снимаются! Не могу так лежать — куда мою больную руку класть?

Я затихарился и, затаясь, ждал ответа.

— Положи на меня, — после долгого молчания сказала Кира.

— Меня не надо упрасивать, — я по-хозяйски положил руку, обнимая её за живот, и прижался к её телу — попе.

— Ты не наглей, а?!

— Дык так теплей.

— Рич? — возмутилась девушка.

— Это что мне в спину упёрлось?!

— Прости, забыл кинжал отстегнуть, — видимо, упёрся.

— Что-то не похоже, — буркнула она.

— Да честно, — показал ей кинжал и откинул в сторону.

Я долго не мог заснуть. Второй кинжал напрягся — я не знал, куда его деть. В общем, я встал и пошёл кидать дрова в костёр, так и просидел до утра.

Рано утром поднялись, не разогревая похлёбку с лепёшками, собрались и выехали.

Я весь день проспал в телеге на тушах тернов. Приехали в Медянку к вечеру. Народ высыпал за ворота — нас встречали свежим элем. Циклы схватили под уздцы лошадей с телегами, покатали на центральную площадь, раненого унесли целительнице.

Кто-то хлопнул меня по плечу. Я оглянулся: стоит довольный Бор (хозяин таверны).

— Господин Ди Грэй, с прибытием! — И сунул мне в руки кубок с вином.

— Рассказывай, — сказал Бор.

— У Вела спроси, я устал, — виновато ответил я.

— Да уже все знают про сражения, про Флина... — Тут он грустно вздохнул. — Жаль парня. Тебя ранили и ещё троих...

Я извинился и отошёл отлить.

Не успел я закончить, как услышал голос за спиной:

— Ты куда пропал, Ричард Ди Грэй? — спросила Кира.

Я дёрнулся от неожиданности и обмочил штаны. Быстро завязался и повернулся:

— Птичек слушаю, — галантно подал ей ладонь, чтобы проводить на пир.

Кира, взглянув на мою руку, хмыкнула и сказала:

— Руки помой сперва. — Тихо засмеялась и добавила: — Прости, это я виновата — подошла не вовремя.

Мы вернулись на площадь. Там пир горой: факелы повсюду, музыка, местные циркачи. На 30 вертелах запекались туши косуль, зайцы — по несколько штук, дичь, птицы; куски тернов жарили на огромных сковородах. Всё шипело, шкварчало. Запах был невероятно вкусный — казалось, воздух можно есть.

В центре площади — дубовые столы в несколько рядов. Зелень, фрукты, овощи. Женщины напекли горы пирогов. Квасы, морсы, фруктовые напитки. Тут же и сладости: мёд, пастила и ещё какая-то хрень, орехи в меду, шоколад! Дети бегали с леденцами. Все пили и

радовались: в город привезли мясо. Конечно, это капля в море, но главное — традиция. Собираются одной большой семьёй.

Потом начался делёж мяса. Мясо делили на куски и раздавали всем, записывали, кому не хватило, — на следующую охоту получают первыми.

(Оттащили куда-то трофеи, сказали: позже продадут, и все получают деньги.)

Дворянам отвалили лучшие куски. Моё мясо отправили на постоялый двор. Тут же рядом собиралась новая ватага на охоту. Вел что-то жестикулировал и говорил им.

Я устал, проводил Киру до дома и пошёл спать. Утром — совет.

Конец 13-й главы.

Глава 14. Травница

Встал я рано — лёг, потому что рано.

Помылся, зубы почистил, сходил в горшок, открыл окно, вылил. Я читал, что в Средневековье так делали, — ну и тут, значит, можно. Окно выходило не на улицу, а во двор, где служки постоялого двора обедали. Так что улицу не засрал. Я ж Ди Грэй — лицо терять нельзя.

Горшок вытащил за дверь: служанка помое. Рядом положил жёлтый тин, потом подумал и положил ещё два.

— Всё-таки я дворянин! — возгордился на время я и тут же забыл.

Я вспомнил, что мне надеть нечего! После похода кожаный шмот был в крови, порван, да ещё и дыра от стрелы. Я нюхнул его... Фу.

Рубаха была ещё с ущелья — превратилась в половую тряпку. Бросив её, выглянул за дверь: «Нет никого?» Закрыл и открыл свой тайник. В двух кошельках было серебро. Я снял с шеи свой (всегда там ношу, чтоб...).

В моём кошельке, вышитом моим гербом, было 7 серебряшек, тины красные номиналом 5 и 2, и жёлтые тины — 4 по одному. В большом кошельке я знал, сколько, — 112 серебряшек. Забрал 32 в свой, 80 оставил в большом и засунул в тайник.

У меня из вещей — нормальный плащ с капюшоном, отороченным мехом, штаны ничё и сапожки. Штаны и обувь отёр мокрым полотенцем местным и выкинул в окно. Взглядом проводил полёт тряпки — она упала на стол тем, кто там ел. Я быстро отпрянул от окна.

Нацепил плащ на голое тело, укутался и спустился вниз.

Вел радушно меня встретил и пригласил позавтракать, но я отказался — мол, спешу.

— Господин Грэй! А мясо?

— Спасибо, Вел, не хочу есть.

— Вел, — удивился я, — с какого перепугу ты ко мне обращаешься так?

Вел шёпотом ответил:

— Одно дело в походе, другое — тут. Не с руки панибратством заниматься — ни мне, ни вам.

— Ясно, — сказал я и ускорил шаг к дверям.

— Я не про то! «Ваше» мясо с похода! — вдогонку крикнул мне хозяин постоянного двора.

— А-а-а, продай его, мне сколь-нибудь дашь.

— Заметано, — потёр руки Бугай.

Вышел на улицу — холодает: осень, сука, будь она неладна. Продрог под плащом и помчался к площади, умело оббегая лужи.

Тут же пошёл к лавке готовой верхней одежды.

— Прошу, господин Ди Грэй, — услужливо поклонился торгош и заискивающе пытался заглянуть мне в глаза.

Я упорно глаза прятал, разглядывая товар: терпеть не могу, когда лезут ко мне с запахом чеснока.

— Показывай мне одежду на выход: верх, низ и ещё ниже! — важно сказал я.

— Господин... — промямлил недокупец, — а «ниже» — это как?

— Эх... Обувь!

Сапожки выбрал мягкие и повыше — холодно становится. Типа до колен, но передняя часть сапог полукругом поднималась выше колена. «Мушкетёр!» — завистливо подумал я про себя.

— Штаны! Одни давай чёрные из мягкой кожи, другие — потолще, из коричневой.

— Обувь стоит 5 серебряшек; коричневые походные штаны — 7 серебряшек; из чёрной мягкой кожи — 15! — с воодушевлением квакнул купи-продайщик.

— Двадцать восемь серебряшек? То есть два оленя и восемь серебряшек? — охренел я.

— Э-э-э... — заблеял, словно козёл, торговец: он понял, что переборщил с ценой.

— Нате двадцать пять серебра — хватит? — вперил в него взгляд и выпятил нижнюю губу.

— Премного благодарен! — боднув головой, изобразил поклон торговец.

Я положил ему на стол целое состояние и молвил:

— Милейший, дай-ка мне на сдачу... э-э... носки — пару; нательное бельё тёплое — пару; верх и низ. И заверни.

Торговец ничего не понял про «на сдачу», собрал всё в мешок и поклонился. Я кинул в грязь перед ним жёлтый тин и пошёл.

Шёл и думал: этот сморщенный гриб минимум меня в два раза наё...л. Вот сука! Да хер с ним. Лаяться не хотелось — тем более меня народ знает как дворянина. Но жаба душила...

Зашёл подальше в безлюдный проулок, переоделся (пока не задрыг), старое шмотьё выкинул кому-то через забор. Оттуда залаяла обидчиво собака — мои штаны повисли на её будке. И пошёл искать травницу.

Поспрашивал у циклов, нашёл дом, толкнул калитку, подошёл к двери. Дверь не заперта — вошёл, темно. Вижу: какая-то тень. Подошёл ближе и говорю:

— Здравствуйте, уважаемая бабушка!

Сзади раздалось:

— Милок, ты чё со шваброй разговариваешь?

Я повернулся и ответил:

— Я знал, что вы сзади. Просто не хотел время терять. У меня к вам дело! — многозначительно сказал я.

Добрая старушка провела меня в дом; мы уселись другпротив друга.

— Ну, что тебя привело ко мне? — ласково спросила она.

Мне так понравилось такое отношение, что я, не стесняясь, всё выложил.

— Добрая бабушка! Меня пердёж замучил! — сдался я и вопросительно взглянул на неё.

— Так в чём же дело, милоч? Сходи покакай. Это у всех так бывает, — с недоумением посмотрела на меня старушка.

Тут меня разозлило: решила, что я типа тупой и не знаю, как лечинку давить.

— Да не-е-е... — проблеял я. — Это не то!

— Может, у меня магический пук? Такое бывает? — с надеждой в голосе спросил я.

— Нет! — отрезала она. — Возможно, ты что-то съел.

Я всплеснул руками:

— Ну а как же?! Я тоже есть хочу! — взорвался я.

— Не то, что нужно, съел! — уточнила карга. Бабка стала меня бесить.

— Вспоминай!

И тут я вспомнил: я ж в ущелье грибов на фигарился... М-м-м... И рассказал вредной старухе про ущелье и грибы.

— Ясно! Ты наелся пердун-грибов! — подняла передо мной кривой палец старушка, чуть не попав мне в глаз.

— Что теперь? — перешёл я на фальцет и немножко петушнул голосом.

— То трудное лечение и дорогое!

«Ну понятно, — подумал я. — Эта чокнутая старушенция решила, как и тот торгаш, нагреть меня на „бабки“».

— А ты как решила, что я пердун-грибов нажрался? Это как-то проверить надо! — недоверчиво посмотрел я на её бородавку на носу.

— Да просто: ты когда пукаешь, что перед этим происходит?

— Ну, я волнуюсь, а потом... это!

— Правильно! А ещё когда ты врёшь или обманываешь!

Нехорошая бабка встала со стула, перегнулась через стол и вперила свой старый верхний глаз.

Я упорно смотрел на её бородавку и боялся глядеть в глаз. Вспомнилась поговорка моего мира: «Старшим в ж..., не заглядывают». Просто её глаз и то место были похожи.

Я ответил с достоинством:

— Я дворянин и никогда не вру! — резко встал со стула... и тут же, тихо, но отчётливо, пустил «голубя».

— Ага! — злобная старуха обрадовалась своей догадке. — Я говорила! — и ткнула в доказательство меня пальцем; но я увернулся и чуть не вмазал ей апперкот... Сдержался.

Вредина подергала носом, скривилась и сказала:

— Пошли-ка во двор; здесь душно! — и вперёд меня рванула наружу.

Я пожал плечами и пошёл следом.

Сидя на ступеньках, она мне перечисляла, где сколько и почём брать трав, лягушек и всякую... фигню; наболтала на 15 золотых драконов.

Я чуть не свалился со ступени.

— Ты совсем нюх потеряла, старая! — взорвался я.

— погоди, не кипятись; есть и попроще вариант. Вот, пей эту настойку — она промывает кишки. Эту траву свиньи едят, когда у них понос. Попьёшь три дня — и пройдёт! С тебя две серебрушки! — протянула свою жабую лапу.

— Ты чё?! Дурная?! Да я чуть не обделался от цен!

Кинул ей серебрушку и пять красных тин:

— Хватит тебе, это за испуг! — и величаво побежал домой пить зелье.

Прибежал, напился зелья и лёг спать.

— Взад сегодня этот Совет! — буркнул я.

— Правильно! — поддержало меня первый раз моё второе я.

Конец 14-й главы.

Глава 15. Инициация

Отоспался я знатно — в животе урчало: я же не ел!

Сполоснулся, помыл голову мылом, снял рубаху и подштанники — на грязное тело одевал в спешке, теперь в стирку.

Плохо, что нет унитаза. По журчал в горшок, взял его в руку и выглянул в окно, глядя вниз, чтобы никого не облить. Удостоверился, что внизу никого нет, — плеснул подальше, чтобы не замарать стены. Всё-таки я из XXI века, и меня претит гадить, где живу. Стены не замарал: жидкость прицельно ударилась об стол obsługi.

Следом за жидкостью полетели подштанники и рубаха — прямо на стол. Я подумал: нижнее бельё досталось на халяву, а запасное есть. Стирать неохота, а бельё пусть заберут слуги — так сказать, за недоразумение. И, удовлетворённый собой, полез в таз мыться.

Когда застёгивал шнур на плаще, в мою комнату галантно постучались. Я быстро сел на стул, положил ногу на ногу в своих полу ботфортах и гаркнул:

— Входите!

Зашёл слуга, поклонился почему-то невежливо и молвил:

— Господин, я, конечно, понимаю, что вам весело, но можете вы перестать кидаться в наш стол, где мы едим, всяким непотребством и грязными штанами?

— Я, конечно, извиняюсь, — добавил он и с обидой поглядел на меня из-под бровей.

— И это вы так выражаете благодарность за то, что я подарил вам вещи? — изумился я, сам думая: «Мляя, надо было ночью выливать, пока не видят». — Ну, знаете ли...

Не зная, как закончить разговор, кинул в него медной монетой — в пять номиналов, потяжелее. Монета больно ударила его в нос, но он не обиделся: схватил красную медь (5 тин красным равняется пол серебрушки) и произнёс:

— Господин, кидайтесь чем хотите, мы не в обиде.

Поклонившись теперь с уважением, ушёл.

Пока я расчесывался, вспомнил о своём похудевшем кошельке. Достал из заначки ещё двадцать белых монет — серебрушек — и присовокупил к себе. Подошёл закрыть окно, думая, что пока хожу, комната остынет, и глянул вниз. Слуги корячились, перетаскивая свой стол подальше от моего окна. Хмыкнув, я спустился вниз.

Оказывается, пока я спал, Вел продал моё мясо и выдал мне двенадцать серебрушек. Я поблагодарил друга, принял приятную горсть и попросил поесть. Стол быстро уставили разной снедью и кувшином вина. Поел, запил, расплатился и вышел во двор.

Уже смеркалось... «Чё так быстро?» — и я решил прогуляться до Киры.

Бежал я не спеша, прогуливаясь. Перелез практически через забор, сокращая путь, — и предстал перед окном, галантно заглянув внутрь.

Кира не ложилась. Увидев меня в окне, она вышла.

— Ричард? — удивлённо подняв бровь, спросила красавица.

— Да, это я, — мотнув головой, ответил я. — Как догадалась?

Кира звонко рассмеялась.

— Идём к нам, с дедушкой поговоришь, — предложила подруга. — Поешь, небось голодный ходишь.

— С твоим дедом завтра наговоримся, может, погуляем? — предложил я и сделал руку колесом, головой показывая — мол, сунь туда руку. Ну, типа под ручку погуляем.

Девушка непонимающе смотрела на меня. Наверное, подумала, что я ей показываю новый захват-приём.

— Ладно, пошли, — распустив свою «руку-колесо», я взял Киру за руку и повёл её куда-то.

Я плохо знал местность и предложил:

— Пошли к речке!

— Так темнеет же, — сказала она.

— Тем лучше, — уверенно замотал я головой.

— Чем? — подняла она бровь и подозрительно посмотрела. Её верхний глаз смотрел с гневом, левый, как всегда, закатывался, ну а правый кокетливо жеманился.

— Я хочу пройти инициацию дворянства Грэев, — сообщил я.

— Я проходила, но хочу посмотреть со стороны, как это происходит, — согласилась трёхглазка.

Взявшись за руки, мы побежали к воротам городка.

Переведя дыхание, мы прошлись молча вдоль реки. Девушка с интересом поглядывала на меня, а я — на свиток, который держал в руке.

Кира села на берегу, кидая камушки в воду. Её платье из синего бархата слегка сползло с колен и открывало ровные ножки и красивую кожу. Я, сглотнув, еле отвернулся.

Снял рубашку и подошёл к воде. (Про инициацию мне рассказали старейшины на площади, когда узнали, что я дворянин.)

Суть такая: я должен намочить кожу в том месте, куда поставлю знак — герб своего рода, потом капнуть кровью на печать и на мокрое место и приложить. Говорят, должно жечь немного. И по этому знаку будут знать о твоём происхождении. Так как в каждом существе этого мира есть хоть маленькая крупинка магии, и... Короче, ладно.

Я залез весь в воду. Кира удивлённо посмотрела на меня, но смолчала.

— Да я заодно охладжусь, — ответил я на её непонимание.

Я нырнул — вода обожгла меня. Мне хотелось выбежать из воды, как трусливый пёс, и зарыться в тряпках... Но! Гордость просто так не пропёшь.

Нос посинел, зубы стучали, будто в барабан били, но я держался — хоть и хотелось выть. Наконец она позвала меня на берег, и я с показной неохотой выполз.

— Ты замёрз, Рич? — обеспокоенно спросила Кира.

— Да нееее, — проблеял я, стуча зубами чечётку, — просто адреналин. Я так-то постоянно...

Поднялся порывистый ветер (всё-таки начало осени). Я вытащил из кошелька свиток, который положил до этого на сапоги, и развернул. Ветер как сумасшедший трепал его.

— Нож сначала! — подсказала Кира.

— А, да, — спохватился я.

Сунул в зубы свиток. Ветер колотил им мне пощёчины. Достал кинжал и полоснул себя по внутреннему предплечью. Кровь брызнула, как очумевшая.

— Ты что творишь?! — закричала Кира. — Надо было палец!

— Да я подумал, что чем больше, тем круче знак будет, — проорал я против ветра.

Капли крови подхватил ветер, закружил их и обрызгал меня всего ею.

— Бляяя, — зря я открыл рот.

Свиток вырвался из плена зубов и стал носиться надо мной. Я бросил держать руку и стал скакать за бумагой. Я видел, что и свитку досталось от крови. Он выплясывал па и с размаху прилепился мне к правому полушарию задницы, прожарив подштанники, впился со злостью в мою плоть.

Я заорал благим матом, вертясь волчком, пытаюсь этот «фашистский» листок оторвать от себя. Кира стояла с открытым ртом и смотрела на меня всеми глазами.

На плясавшись, я сел на песок левой стороной. Кира не могла поверить в случившееся.

— Ричард, — жалобно сказала она, — но как так-то?

— Да ничего, — отмахнулся я. — Подумаешь, штаны спалил. Про болючий зад я гордо промолчал.

— Ну, инициация же... — она всхлипнула.

Я поднял обрывки мокрого свитка и радостно оповестил её:

— Не бойсь! Печать целая.

— Рич... Она одноразовая...

— Да не, — махнул я рукой и шлёпнул свитком себя по груди. Ничего не произошло.

— Да и фиг с ним. Главное, свиток меня признал.

— Да, он признал, — медленно проговорила девушка, — но как ты удостоверишь других, что ты дворянин? Свитка нет, печать ты не покажешь... — И девушка расплакалась.

— Ну ладно, придумаю что-нибудь. Тем более местные видели свиток, подтвердят, — уверенно сказал я.

— Рич, тебе же королю нужно будет предъявлять знак-герб.

— Э-э, нарисовать, может, можно? — с надеждой спросил я.

— Нет, прикладывается жезл, и знак должен засветиться.

Настроение у меня упало ниже плинтуса. До дома мы шли молча. Хотелось напиться, но утром нужно идти и показывать свою пятую точку старейшинам.

— Ричард, ты идёшь ночевать к нам домой! — твёрдо сказала она и грозно посмотрела на меня.

— Да зачем?

— С твоим... Не знаю, какие слова подобрать. Да ты убьёшься за ночь! — крикнула она и потащила к себе.

Пришли к ней: в доме был второй вход, и дед не увидел. Кира мне постелила в комнате и собиралась уходить, как я остановил её.

— А ты куда?

— В смысле? — удивилась она.

— Ну ты же боишься за меня, так бойся тут, — резонно заметил я.

— Спи, — и вышла.

Всю ночь я ворочался, под утро уснул. Пораньше встал, ушёл к себе.

Помылся, не побрился (волосы ещё не растут). Хотел вылить грязную воду в окно, но, посмотрев, что за окном не в кого плескать, потерял смысл. Поставив таз на пол, слуги уберут. Извернулся и глянул на свой зад — восхитился: красивый герб отливал серебром и немного светился.

Я вздохнул: жаль, некому показать.

Оделся и вышел.

Кира была уже на Совете. При большом совете присутствуют десять дворян, старейшие (старейший не обязательно старый, а то, что род дворянский всегда древний) и старшие отпрыски — по одному на род.

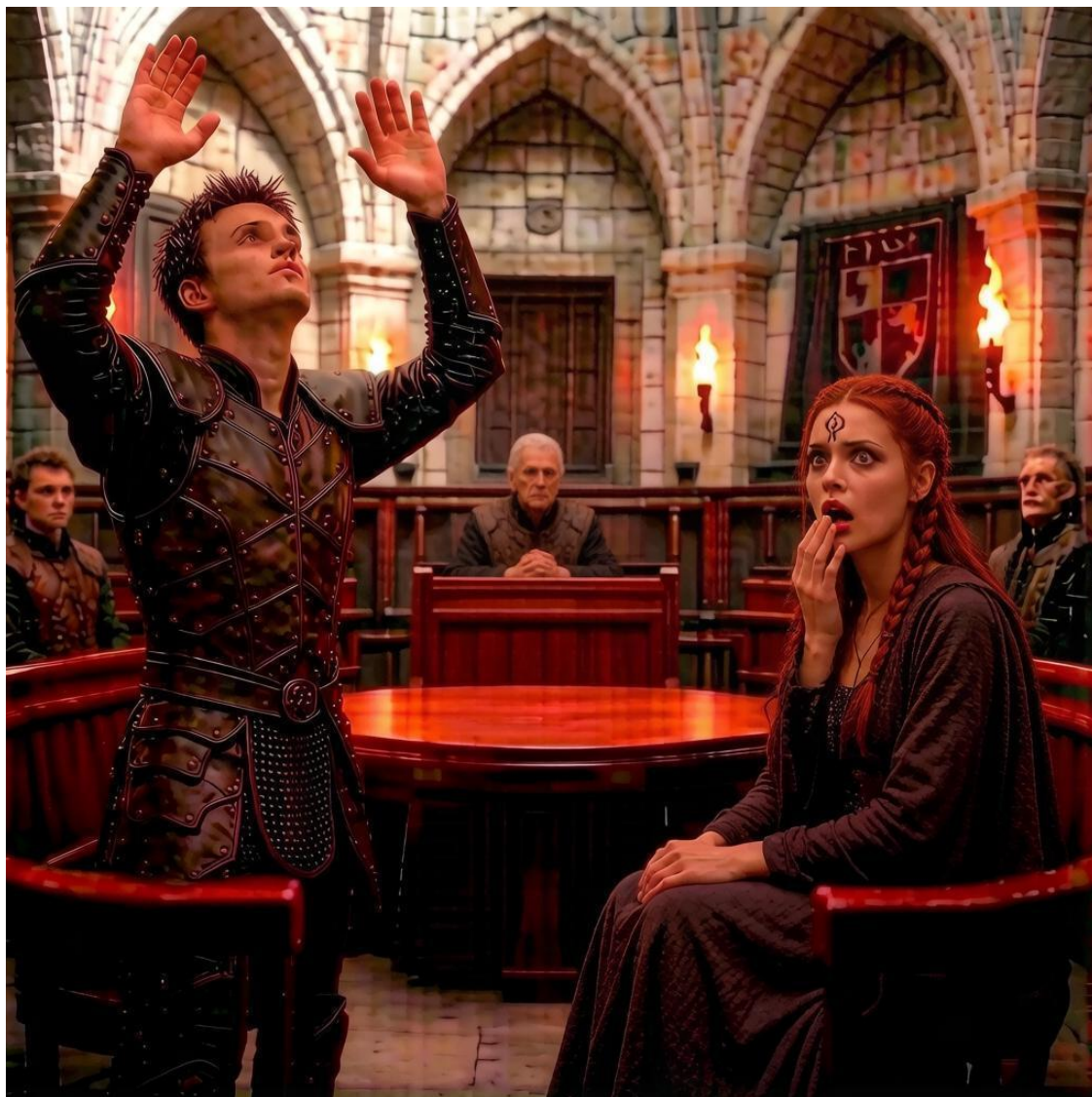
Я прошёл мимо стража, он вытянулся как-то странно, поприветствовал меня своей кувалдой. Когда он крутнул её над своей башкой, мне показалось, что хочет вдарить мне; я профессионально нагнулся и ушёл от воображаемого удара кувырком (я в прошлой жизни немало занимался). Страж посмотрел на меня изумлённо, но, естественно, ничего не сказал.

Я прошёл через несколько дверей, остановился перед входом в зал Совета и задумался. Надо как-то показать своё дворянство, поприветствовать так, чтоб...

Я смотрел в той жизни фильм «Д'Артаньян и друзья»... Вроде такое название. Там они шикарно приветствовали короля, махали шляпами и в это время пели: «Что-то пара-парадуемся прямо на всём скаку, красавице и чем-то там, сварливому клинку-у-у...» — подпел тихонько я. — Да ну, ерунда это всё, и песню не помню.

Открыл дверь, и какой-то придурок гаркнул мне в ухо: «Ричард Ди Грэй!»

Я прошёл вперёд, дальше — стол, сидят все знакомые лица и с ними Кира, кроме отпрысков. Девушка смотрела на меня с волнением и переживанием. Я подмигнул ей, типа «не бойсь, щас удивлю своей галантностью, может, и про герб на ж..е забудут посмотреть».

Я задрал резко голову с надменным взглядом, сделал три больших и громких шага (как конь на плацу, показалось мне), взмахнул правой рукой, чтоб плащ взвился, а получилось — оторвал застёжку на шее, и он повис на левом плече, как у тореадора.

Не обратив внимания на пустяк, я скакнул левой ногой вперёд, поднял руку к голове, пытаясь схватить шляпу (блять, забыл купить). Несуществующей шляпой я стал «подметать» пол и при этом прыгая, переставляя ноги туда-сюда, потом подпрыгнул и зачем-то, немножко боком, стукнул ногой об ногу, приземлился, ещё поскакал, потом запутался в этом ритуале и не знал, как закончить.

Ещё раз «подмёл» пол, вспотел, мимолётно взглянул на зрителей...

ВСЕ!!! Разинули рты и выпучили глаза, а Кира, прикрыв рот ладошкой, сидела вся пунцовая.

Я ещё покружился, потом поскакал козликом, боком. Как закончить, я не знал; неожиданно для себя запел: «Пара-пара-дуемся в яростном скакуууу, красавицу и кошку с собою принесууу» (блять, что я несу? — испуганно завопил я про себя).

Всё, думаю, точно заканчивать пора. Выдохся. Решил двигаться к моему стулу и подумал, что хоть в конце гордо закончу. Видел я как-то танцы джигитов и балет мужиков — что-то схожее. Раз мужики так делали там, значит, норм.

Подпрыгнув, я в полёте начал выпрямлять носки ног, но забыл, что я в сапогах. Обувь жалобно закрипела, кожа лопнула, носки выпрямились, и я вонзился в пол. Сапоги треснули спереди на сгибах и не мешали теперь.

Я с гордо поднятой, вспотевшей головой стал дефилировать на вытянутых ногах и на цыпочках, как заправский балерун. Процокал я до стула, хотел откинуть фалду своего фрака (плаща), толкнул плащ назад — он оторвался до конца, улетел в очаг, там и вспыхнул.

Все разом повернулись, посмотрели туда и снова на меня. Я опустил свой зад, но ноги из позиции «цыпочки» никак... «Мля, — подумал, — кожа на сапогах лопнула и заклинила меж собой».

Тут прокашлялся дед Киры и встал.

— Да уж... Ты почему пьяный пришёл на совет? — грозно спросил он.

Я, вспыхнув, вскочил со стула на цыпочки и процокал к нему.

— Что вы понимаете во дворянском приветствии??? — с негодованием спросил я.

Дед махнул рукой.

— Спросил: -

Наскакался?

-Садись, отдохни.

— Не знал, что у людей такое приветствие... Это ж сколь же надо физически тренироваться?

— А по мне, так обезьяньи ужимки, — закончил он.

— Познакомьтесь, кто не знаком, — это наш новый дворянин и глава шестого рода Ди Грэй, — протараторил дед и сел.

Встал другой, не помню, как зовут, и потребовал доказательства инициации.

Кира вскрикнула и прошептала: «Может, не надо?»

— Да чего уж там, — обречённо сказал я, прошёл на цыпочках, гремя носами сапог об медь, на середину почитаемого круга, развернулся, как разворачивается балерина, мелко суча ногами (а по-другому не получалось из-за сапог), задом к народу, дёрнул за тесёмку штанов, стянул штаны и нагнулся к благородному совету задом.

Все ахнули.

Кира запричитала: «Свиток сам прилипся не туда... Он не виноват».

— Ну это уже слишком, — кто-то сказал.

В общем, Кира подбежала, схватила меня за руку и потащила за дверь. Я быстро передвигаться не мог, но очень быстро семенил цыпочками, что устал. Муки кончились, когда доскакал за дверь. Сел на стул, достал кинжал и стал срезать сапоги, не заморачиваясь, в чём пойду по грязи.

— Это провал, — бубнил я себе. Мне было плохо, я испугался и снова пукнул немного громче, чем следовало... (Не вылечился, видать, ещё), — подумал. Кира просто зажала нос.

— Нам пипец, — подсказало второе я.

Дверь в зал была приоткрыта, и я слышал часть разговора совета. Кира сидела рядом и рыдала в голос. Я наострил уши и слушал.

— Да тихо ты, потом поплачешь, давай послушаем.

Говорили что-то о моём воспитании, что в шею гнать надо, но остальные возмутились: никто не хотел терять прибыль. При принятии меня как нового рода городок станет городом, и денег прибавится. Что-то шептались про тень, думали, она влияет на меня, но алчность победила, и меня позвали.

Кира крепко держала меня за руку, боялась, что я или плясать начну, или что хуже.

Вошли мы вдвоём в зал: рядом — красавица Кира, и я... в носках. Не доходя до стола, я уже видел, как все уставились на мои ноги. Я начал подготовленную речь: мол, козёл-торгаш

продал левые сапоги, что я хотел нормальное приветствие сделать, а из-за сапог и торговца случилось то, что получилось.

Короче, мой бред никто не слушал. Подошёл дед Кир (за руку оттащил от меня её, наверное, боясь, что заражу своей дуростью), нацепил на меня толстенную серебряную цепь с блямбой, украшенной изумрудиками, вручил листок какой-то. Ещё сказал, что я буду получать сто серебрушек в месяц...

Затем вручили мне двух золотых драконов и объяснили, что за убитого Углу мне полагается часть. Деньги дали золотом. Посмотрел на меня, типа не ерепенься: что мало дали — и так косячишь, — поздравил с шестым родом. И сказал, что в совете я, но без права голоса и присутствия на нём.

Мне было пофиг — у меня мёрзли ноги.

Потом старик шепнул на ухо, чтоб к Кире не приближался, и меня отправили восвояси.

Добрёл я в носках по грязи домой, снял их и выбросил в окно. Носки были грязные, тяжёлые, и я услышал, как они долетели до стола. Упал лицом в подушку. Потом, конечно, уснул.

Конец 15-й главы.

Глава 16. Признание в любви

Проснулся, крикнул слугу и отправил его к Велу. Здоровяк пришёл сразу, посмотрел на моё кислое лицо, поздравил со вступлением в совет. Я огрызнулся, послал его, потом вернул, извинился и попросил башмаки. Тот удивлённо посмотрел, но ничего не сказал — минут через пять принёс.

— Вел, я дурак, — грустно сказал я. — Я всё испортил.

— Что случилось, Рич? — серьёзно спросил он.

Мне понравилось, что наедине он обращается как раньше, в походе. Всё-таки вместе повоевали, я чувствовал к нему симпатию. В общем, я всё ему рассказал.

Он долго ржал, как конь почтовый, — я аж обиделся. Вытер слёзы и извинился. Хлопнул меня по плечу и сказал:

— Рич, ты аристократ здесь, ты в совете. Если захочешь, можешь участвовать в нём, и никто тебе не запретит. Но ещё нужно номинально получить благословение от короля, но это не так уж важно, — и снова заржал. — Тебе достаточно ему показать ж... с клеймом!

— Да хватит уже, Вел! Ещё и к королю ехать, — поник я.

Вел ещё посидел, приободрил, собрался идти, остановился.

— Утром Кира приходила. Я попросил тебя не будить, чтобы выспался. Она хоть и дворянка, но мы дружим давно и по охотам ездим. В общем, она меня послушалась.

— Вел, где она???

— Внизу сидит.

Я влетел в башмаки, принесённые Велом, и понёсся вниз. Кира сидела грустная за столом, склонив голову. Я подошёл и тихонько позвал:

— Кир, я это...

Она вскочила и бросилась мне на шею.

— Тебе плохо, Рич? — заглянула мне в глаза.

— Ты прости меня, — просто сказал я.

— Пойдём наверх, Кир, а? — заляпнул я.

Думал, сейчас взбрыкнётся, как всегда, или треснет, — я зажмурился.

— Дурачок ты у меня, — и провела рукой мне по волосам.

— Я люблю тебя, Кира... — признался я. — И только понял, что люблю её.

Девушка широко распахнула глаза. В её глазах я увидел радость от произнесённых мной слов.

— И я тебя, Рич, — с нежностью и грустью ответила она. — Но нам не дадут быть вместе...

— Это ещё почему? — взъерепенился я.

— Сам знаешь почему.

— Хочешь сказать, что я придурок? — тихонько спросил я.

— Ты не придурок, ты чудной, и ты мне нравишься таким. Ты смелый, добрый...

Пока она пела мне дифирамбы, моя спина распрямилась, и... Девушка взглянула на меня и счастливо рассмеялась.

— Ты как большой ребёнок: и обижаешься, и любишь, когда тебя хвалят.

— Придумываешь тут, — буркнул я.

— Ну и куда ты меня звал? — кокетливо проговорила она и положила голову мне на плечо.

— Просто посидеть одни, выпить вина, чтобы на нас не глазели...

Просто... И боязненно посмотрел на любимую, боясь спугнуть её глупыми разговорами.

— Пошли, — улыбнулась она. — Не забудь заказать что-нибудь, будем думать, как нам быть.

Слуге дал заказ, мы поднялись наверх. Пока болтали, принесли вина, фруктов и сыра. Я впервые поцеловал эту изумительную девушку — не мог поверить, что мне, ослу, досталось такое счастье! Я был на седьмом небе.

Решили, что к королю ехать так и так: по статусу наследнице старейшего рода ей тоже полагается быть на приёме. Она мне объяснила, хотя я это уже понял, что я родоначальник нового рода. В основном в поселениях от двух до пяти родов. Последний раз шестой род был более ста лет назад, но он угас — так и селение не успело получить статус города. Много столетий назад Циклион получил шестой род и стал городом, позже — столицей. До этого были города, но при последней войне «Народов» многие были уничтожены вместе с родами.

В общем, говорили много, а я всё это время держал её ладошки в своих руках. Потом она положила голову мне на плечо, и я её приобнял. Рукой я почувствовал её грудь — она это поняла, но не напряглась. Я сладко вздрогнул, и тут девушка прыснула.

— Ну ты и кот, — смеялась она.

Сидели долго, решили сначала съездить к королю, а потом форсировать события. Ещё она спросила:

— А ты свиток-то читал?

Я достал его и развернул. Там было написано, что мне дают дом во втором ряду и что через какое-то время мне дадут должность в селении.

— Блин, я вроде прижился здесь! И мне чертовски это нравится.

Решили дом посмотреть завтра. Проводив свою девушку домой, я вернулся и первый раз заснул вполне счастливым.

Конец 16-й главы.

Глава 17. Предложение

Еле дождался утра, вскочил, очень быстро умылся и оделся. Ходил с кувшином в руках, искал щётку для одежды. Одной рукой приоткрыл окно настежь — осенняя Сая припекала сквозь слюду. Услышав шум за окном, выглянул по пояс вместе с кувшином, чтобы узнать, что происходит.

— Ну что за идиоты? Что таскаться с этим столом? Какая разница, где он стоит... Не понимаю я их.

— Эй! — крикнул я вниз. — Да оставьте вы стол на месте! Какая разница, где обедать?

Слуги подняли головы, увидели меня с кувшином и рванули со столом вглубь двора.

— Ну пипец, делать им нечего, — проворчал я.

Сходил за заначкой, сложил полученные деньги из Совета — сто серебрушек зарплаты и два дракона золотом, — и посчитал всё вместе. Получилось два дракона и шестнадцать оленей или три дракона и шесть оленей.

— Неплохо, — присвистнул я.

В свой кошель положил две монеты золотом, в отцовский — серебро.

— Даа... Сапог нет, плащ сгорел. М-да, называется, поприветствовал Совет. Зря я смотрел фильм про мушкетёров, — посетовал я.

Надел башмаки Вела и потопал на рынок. Купил себе две пары обуви — сапоги и полу-сапожки, — а также два плаща. Один дорогой, вышитый серебряной нитью, другой — походный; оба тёплые. Купил ещё берет.

Зашёл к ювелиру и спросил, что можно подарить любимой девушке. Торговец вытащил здоровенную коробку и принялся перечислять варианты. У меня от цен глаза лезли на лоб.

— Господин Ди Грэй, — обратился он ко мне, — понятное дело, если дарите что-то своей девушке, а она дворянка... Значит, нужен большой источник жизни.

— Э-э, теперь поподробнее, — подбодрил я его.

— Разве вы не знали? — удивился он.

Сам ювелир был человеком.

— На земле Циклов не действует магия из-за богини-матери, которая приходится им предком. Циклы произошли от циклопов. Несколько тысяч лет назад произошла битва полубогов. Верхушку циклопов приравнивали к ним.

По преданиям, на циклопов напал союз полубогов: эльфов, альвов и дриад. Этот союз обладал магией, а циклопы — нет.

— Тогда ясно, что циклопов поубивали, — перебил я.

— Нет. Не имея магии, циклопы были нечувствительны к ней, как и их территории.

— То есть, — снова перебил я, — они бились просто силой?

— Не совсем так. У циклопов были стражи — подобие тех, что есть у циклов. Стражи — это каменные пирамиды, питающиеся от сердце-камня.

У циклопов было сердце сосредоточения силы — огромный турмалин, стоявший высоко в горах, в горном озере. Они как-то его подпитывали и выращивали — я не знаю как.

От сердце-камня шли энергетические каналы, связывающие стражей. Если нарушить один, вся цепь не рассыпается, но слабеет. От стража расходится антимагия на десять километров во внешнюю сторону, поэтому магией их не разрушить.

Как именно союзные полубоги вместе со своими войсками пробрались вглубь страны циклопов, я не знаю. Армии связали циклопов боем. Пока те умирали, полубоги разрушили или повредили камень-турмалин. Множество стражей рассыпалось, и маги смогли подойти ближе, чтобы добить их с расстояния магией.

На самого стража магия не действовала, но можно было поднимать с земли глыбы камней — страна циклопов сплошь в скалах — и швырять их. Так и победили циклопов.

Какие-то остатки бежали дальше и выше в скалы, но без подпитки своего камня они со временем умирали. Камень давал не только антимагию, но и жизненную силу — не путай с Живой. Последняя, самая сильная полубогиня — Вария — после смерти перешла в ранг развоплощённых богинь. Она нашла способ поддерживать жизнь себе подобных с помощью красной меди. Через кровь она даёт слабо похожий на турмалин результат.

— Кстати, не всякий турмалин подходит для выращивания, — сказал ювелир.

Циклопы без своего «сердца» стали мельчать и за десятки тысяч лет превратились в Циклов. Медь помогает им поддерживать жизнь.

Циклы тоже имеют свой камень — или камни, — изумруды силы. Они слабее турмалина, но... Где они растут, никто не знает, да и охрана там будь здоров. Циклы, конечно, не циклопы, но и полубогов у других народов нет. Так что снова паритет.

— Да, забыл сказать, — продолжил ювелир. — У циклов нет магии, но, как у всех, есть искра. Этой искры достаточно, чтобы работать с силой жизни, как они это называют. Сила жизни течёт из камней, но это сырая Жива. Циклы перерабатывают её в Живу внутри себя. Они не могут ни заклинать, ни обращаться со стихиями. Они развивают в себе источник Живы — это как у магов источники маны и так далее. Конечно, у всех народов есть источники Живы, но они малы по сравнению с циклами.

Управляя своими источниками и увеличивая их, сильные циклы становятся трудно убиваемыми. Жива лечит почти всё, но её нужно очень много для лечения почти смертельных ран. За счёт большого источника Живы они могут делать кожу крепкой, как у буйвола, и магия их не берёт. Но если исчезнут их камни-матери — изумруды силы, — земля станет подвластна магии, а циклы — нет! Чем больше у цикла источник Живы, тем больше у него возможностей.

— Ясно, — сказал я. — Ну так что с подарком?

— Подари ей украшение из маленьких камней-матерей — изумрудов.

— Что?! Откуда у тебя?

— Циклы сами их продают — точнее, аристократия, отвечающая за эти кристаллы, которые они растят. Это как дерево: растёт, а лишние ветки и кора отпадают — так и с кристаллами. Те, что осыпаются, и продают. Но их очень мало.

— Покажи!

Торговец достал набор: цепочку с кулоном, серьги и кольцо — из золота с красивым переплетением и вставками хорошо обработанных изумрудов.

— Красиво, — восхищённо сказал я.

— А как узнать, что это «те» изумруды? — спросил я.

— Очень просто. Если ты не маг, то просто почувствуешь тепло от него. Если маг — сможешь вытягивать из них энергию в себя. Но опять же, это зависит от твоего внутреннего источника: он должен уметь перерабатывать сырую Живу в обычную, чтобы заполнять кристаллы.

Циклы всё могут тянуть Живу — так это называется по-простому. Жива, как и мана (есть несколько разновидностей), — это энергия. Но циклы могут только лечить себя и других, да ещё укреплять кожу. Так что если цикл выйдет против мага, ещё неизвестно, кто победит.

— Сколько стоит этот набор? — загорелся я.

— Двести драконов.

Видя моё расстройство, он быстро добавил:

— Ты, господин Ди Грэй, всё-таки человек, но и аристократ этих земель. Нам, купцам, в стране циклов не очень уютно — нас прищемляют. Если позволишь мне называть себя твоим другом...

— Конкретней! — поторопил я.

— Ну, чтобы мне тоже разрешили покупать артефакты из ущелья. А то только избранным дозволено.

— Считай, что договорились.

— Я верю тебе, дворянин, на слово, — передавая драгоценности.

— Хорошо, по рукам!

Забрав сокровище и пообещав устроить всё, я, не веря своему счастью, поскакал к своей красавице. Сначала зашёл в лавку и купил бархатную коробочку за пять жёлтых тинов. Потом прикупил две корзины у купцов: привозное дарийское вино — четыре бутылки по четыре серебрушки за каждую, — а ещё шоколад, сыр, колбасы, лепёшку, сладости и фрукты. Нанял циклика, и вместе с ним мы потащили всё это в мой новый дом. Я заранее узнал, где он находится: городок маленький, не заблудишься.

Дом оказался двухэтажным, из тёмно-серого, ровно отесанного камня, с черепичной крышей тёмно-красного цвета. Стрельчатые окна спереди, запущенный цветник, а по бокам

и сзади — фруктовые деревья. Забор каменный, из того же камня, высотой два с половиной метра.

На первом этаже, по центру, — двери, по обеим сторонам от них полукругом идут лестницы на второй этаж. Слева — приёмный зал; из зала есть выход на улицу — потрёпанная дверь. Справа — хозяйственный блок и комнаты для слуг. Второй этаж — жилой.

Внутри было пыльно и грязно. Мебель вся побита, кое-где виднелись следы нечистот. Входные двери разбиты, окна и рамы почти все выбиты. Был подвал, но я пока туда не спулся — слишком грязно.

Через Бора я нанял безработных циклов обоих полов для выноса старой мебели, уборки дома и участка — десятерых. Лопаты, грабли, пилы и прочее мне одолжил тоже Вел: у него постоянный двор, и инструментов в достатке.

Пришлось купить ветошь, швабры, местные чистящие средства и мелочи. Столярный инструмент и гвозди вышли в копеечку — пришлось нанять и двоих столяров.

Продукты я, конечно, купил рано, но Кира в походе подарила мне пузырёк сохранения. Я щедро полил продукты и закутал их в тряпицы.

Дал им аванс — сорок серебряшек — и оставил их работать. Мальчишку тоже нанял и при всех работниках сказал, чтобы следил за ними и мне докладывал, кто как работает или что-то пинает.

Я пошёл на постоянный двор отмыться от пыли своего нового дома.

Вечером не ходил к Кире, и она утром сама проскакала на лошади в постоянный двор.

Последнюю неделю я не находил себе места, всё думал о Кире. Она снилась мне. Мы встречались тайком, как школьники. А в принципе, Кире семнадцать лет, мне — не знаю сколько. В ущелье, когда очнулся, показалось, что пятнадцать. Но думаю, мне больше чуть, где-то как и моей девушке. Внизу всё сводило у меня, как у мальчишки. Хотя я в теле пацана. Гормоны, ёж твою ляж.

Каждое утро мы с Велом выходили во двор, и он учил меня обращаться с луком. Устаю быстро, руки слабые. Вел отвёл меня в амбар и заставлял перетаскивать мешки с мукой, зерном и всяким сыпучим. Я сделал себе турник и потихоньку подтягивал свою тушку. Тренировкам взял за правило уделять столько, пока не устанешь, и ещё чуть-чуть сверху, пока руки, тело не заломит.

Сидим мы с Велом после тренировок, пьём квас. Хоть и очень... а мы раскочегарились. И тут летит всадник... нет, всадница! Волосы медной волной развиваются, как волны. Спина прямая, талия точёная. Лицо разгорелось, в глазах огонь.

Резко затормозив, лошадь чуть не села на круп, а всадница приподнялась на стременах. Её взгляд шарил по двору (Кира знала, что мы с Велом в это время занимаемся). Не найдя меня глазами, лицо стало омрачаться, и только наткнувшись на мою довольную рожу, её лицо вспыхнуло нежностью и радостью.

Она вспрыгнула так красиво, что я почувствовал зависть, но и гордость за свою девушку.

— Вот бы мне так! — мечтанул я и... Вспомнил свои «поклоны» в Совете, превратившиеся в безумие. Я чуть не блеванул от воспоминаний.

Ко мне бежала девушка, её волосы метались, как лучи Саи. Запрыгнув на меня, как на конягу, она обхватила ногами до спины и повисла, целуя меня, не стесняясь Вела. Вел — друг. Но его не было уже: увидев Киру, он сразу ушёл.

Опустив любимую, я нежно поцеловал её в губы. Взявшись за руки, пошли на постоянный двор завтракать. Для нас Вел держал отдельно столик с ширмой. Как Вел ни сопротивлялся, я заставил взять десять серебряшек.

Мы заказали светлый лёгкий эль и, наслаждаясь друг другом, вели разговоры о том о сём.

— Кира, у меня для тебя сюрприз! Вернее, два! — загадочно проговорил я.

Чертовка востепенелась, глаза загорелись, и она уставилась на меня требовательным взглядом!

— Как ты хороша... — подумал я.

— Да ваще охренеть! — поддакнуло моё второе «я».

— Да заткнись ты! — рявкнул я молча.

— Ну и??

— А-а-а... Засмотрелся... — ответил я.

— На меня, как всегда? — хитро улыбаясь и провоцируя меня, чтобы я смутился.

— Я ремонтирую наш с тобой дом, и на днях мы пойдём туда распределять: что купить из мебели, куда поставить и всё такое.

— Наш? — глаза вспыхнули. — Хочу туда! — и чмокнула меня в щёку.

— Успеем, — улыбнулся я. — Там рабочие прибираются, чинят, ремонтируют.

Я вытащил из поясной сумки бархатную коробочку и протянул девушке.

— Открой! Это тебе.

Она недоверчиво посмотрела на меня, протянула руку и осторожно взяла её, поглядев поочерёдно то на меня, то на подарок. Я по её глазам понял, что ей никто и никогда подарков не дарил. Может, дед, конечно, но, глядя на его характер, я сомневаюсь.

Взглядом она попросила меня открыть.

— Ну смелей, — подбодрил Киру.

Она открыла. Глаза резко и широко открылись, и её красивые крылья ноздрей плавно поднялись и тут же опустились. Она вздохнула.

— Откуда это у тебя?.. Это же сокровище... — восхищённо глядя на подарок.

— Можно вытащить? — мурлыкнула она, как кошечка, и глянула на меня так, что я вспотел.

— Конечно, смотри, надевай. Это твоё, любимая, — с нежностью сказал я.

Кира живо всё нацепила на себя, подняла поднос (подносы медные, начищены так, что как будто горят), передала мне и приказала:

— Держи!

Девушка крутилась, как вьюн, командуя мной, как правильно держать и как наклонять эту посудину. Накрутилась, села, обняла, поцеловала меня и повисла на мне, глядя в глаза.

— Ух... Меня аж дух захватило от взгляда на её красивое разгорячённое лицо.

— Ты понимаешь, что это за камни? — спросила она тихо.

— Да-а... — просто ответил я.

— Знаешь, что они для меня значат? — восхищённо спросила она.

— Конечно. Я же люблю тебя. А для тебя я Саю с неба достану.

Она меня сильно-сильно прижала (чуть не придушила, как цыплёнка) и громко чмокнула меня в ухо.

— Эй! Я оглохну! — сдвигаясь от неё.

— Такое не продаётся нигде... А если и купишь... — она смотрела на меня не отрываясь, лишь уголки губ улыбались.

— Кир, я потом тебе расскажу, но говорю точно: это теперь твоё.

— Это твой подарок на обручение! — улыбнулся я.

— Что такое обручение? — подняв бровки, спросила она.

— Это значит, что ты точно моя и точно мы поженимся.

Она завизжала, вскочила и бросилась на шею.

Я мягко взял её на руки, отнёс к кровати и бережно положил на неё.

Её глаза вспыхнули густой медью — я стал тонуть в её глазах... Поцеловав её, я услышал, как она застонала.

(Наша одежда разлеталась ураганом по всей комнате.)

Её кожа блестела от бликов света очага оливковым цветом; упругая кожа манила. Голова не соображала, только тянуло к ней; запах свежести и цветов ударил в нос.

Я быстрым взглядом по-хозяйски оглядел её всю — и ещё раз влюбился!.. (И так несколько раз.)

Я понял, что я первый у неё.
Кира осталась у меня в комнате до следующего утра.
Конец 17-й главы.

Глава 18. Совет

Утром разбудил меня медведь по имени Вел.
От его довольной морды можно было прикуривать.
— Не томи, — простонал я и, шаря босыми ногами по полу, искал тапки.
— Вел? — поднял я на него глаза. — А у вас есть тапки вообще?
Вел проигнорировал мой вопрос.
— Живо на тренировку, и тебя ждут в Совете, — хмыкнул он и ушёл.
— Ясно, — ответил я спине бугая.
Встал, рьяно почистил зубы, помылся... (Вспомнил ночь с Кирой и заулыбался.)
Таз наполнился грязной водой, и я по привычке его схватил и понёс к окну.

Я вспоминал проведённую ночь, и душа пела.

Окно было открыто.

Не посмотрев вниз, размахнулся и метнул таз вместе с грязной водой.

Я и не заметил, что воду выкинул с тазом, — я переживал заново ту ночь раз за разом. На губах играла улыбка.

— А-а-а! — слышалось из окна.

Шум отвлёк меня от прекрасного, и я склонился над окном.

Бегали мокрые слуги и пинали мой злосчастный таз.

— Во дебилы! — всё, что я мог сказать, — и захлопнул окно.

Оделся на тренировку, спустился.

Обычная рутина, но хоть стрелять научил Вел. Я мог попадать в грудь мишени с 30 шагов, но в голову — с 25... Результат так-то говно... Но я стараюсь.

Натянул тетиву в последний раз, стрела со свистом вошла в самый край «головы» мишени.

— Говно результат, — сплюнул я, опуская лук. Руки гудели.

Вел подошёл, забрал у меня оружие и молча кивнул в сторону выхода с заднего двора.

— Ну что, я пошёл? — спросил, вытирая пот со лба.

— Вел? — дёрнул его за рукав. — А чего меня в Совет-то? Я ж там только позорился.

Он хмыкнул, но ничего не ответил. Его молчание мне совсем не понравилось.

Я молча прошёл через площадь и подошёл к зданию Совета.

Стражник у входа в приветствии ударил себя кулаком с молотом по груди так, что я шарахнулся от него.

— Э, бля! Смотри у меня! — погрозил ему пальцем и толкнул двери во дворец.

Внутри было душно и пахло пылью. За длинным столом сидели трое циклов. Их верхние глаза были полуприкрыты, а нижние буравили меня насквозь. В центре сидел самый старый — дед Киры, с седой шерстью на висках.

— Ричард Ди Грэй, — проскрипел он без приветствия, — твои действия на площади... привлекли внимание. Купец Дун Карлос подал жалобу на оскорбление и разбой.

У меня внутри всё похолодело.

— Он обворовывал циклов! — выпалил я.

— Это ты так говоришь, — спокойно ответил старик. — А у него есть грамота от короля Лавенсии. И он требует компенсации за разорённую лавку и за оскорбление действием.

Я почувствовал, как кровь приливает к лицу.

— И что теперь?

— Да ничего, — устало вздохнул главный старейшина. — Присядь, Ричард, — показав на стул, сказал старший. — Выгоним его из города и дадим денег за ущерб. Из твоего жалования.

— Сколько он хочет? — спросил я, глядя на всех старейшин по очереди.

Старик медленно открыл свой третий глаз. Он светился тусклым медным светом.

— Хочет он 20 драконов, — ответил он.

— А харя не треснет? — заорал я.

— Да успокойся ты, — встрял в разговор второй старейшина, с оспинами на лице.

— Он, когда узнал, что ты аристократ, отклонил требование, — продолжил третий, с козлиной бородой.

— Ну так тогда в чём проблема-то? — удивился я.

— Ну всё-таки беспорядки не к лицу нашему городу, и мы решили, что дадим ему 100 монеток серебра, — хрустнув суставами, встал Старший.

Я пожал плечами:

— Ну ладно, тогда пошёл?

— Погоди, — дед Киры подошёл сзади, положил ладонь на плечо. — Ричард, — странно мягко сказал пердун, и напрягся, — наш король Тариан Восьмой связан союзом с королём Лавенсии Ричардом Третьим, — медленно проскрипел Старший. Помолчав немного, пошлёпав губами, продолжил: — Да, этот Ричард Третий — твой прямой сюзерен, род Грэев из Лавенсии, но и ты — подданный короля Тариана...

— Ну? — поторопил этого черепаху. — Я-то тут причём?

Старик скривился от того, что перебил, и продолжил:

— Король Лавенсии в состоянии войны с ордами орков на юге его страны. И наш король, как союзник Ричарда, обязан выслать войска в помощь, — закончил дед Киры, уставился, не моргая.

Все четверо долго молчали, все почему-то смотрели на меня.

Не выдержал, вскочил.

— Ни в чём не виноват! — крикнул. — Орков-то никогда не видел!!! Каюсь, драку на площади спровоцировал... — быстро затараторил. — Но войну с орками не развязывал!

С грохотом опустил зад на стул.

Старик отмахнулся, как от назойливой мухи, продолжил:

— В общем, мы на Совете решили, что на войну поедешь ты, — закончил старикан, победно посмотрел.

— Вы чё?! С дуба рухнули тут? — возопил. — Решили они тут... Без меня меня женили! — разошёлся. — Вот!

Показал кукиш, по очереди поднося каждому к носу.

Старики офонарели от выходки, раскрыли рты. Продолжил бесноваться:

— Я чё, вам рыжий?

Вгляделись, отрицательно замотали черепушками.

— Но войско должен вести аристократ или хотя бы дворянин, — высказался старейшина с козьей бородой. — А у нас, кроме тебя, никого нет. Остальные дворяне все при деле, ты у нас один... Хм... Мы старые... Так что... — уставился старый козёл.

— Вон Вел пусть идёт! — отмазался.

— Он тоже идёт, но он не дворянин и будет твоим унтер-офицером, — закончил за козлиного конопатый.

— Тогда пусть Кира! — отмазывался тупо и не по-мужски. — Она стреляет хорошо и железякой машет — будь здоров, я видел!

Дед Киры презрительно посмотрел.

«Чёт я не то сказал», — подумал, дал себе мнимого леща.

— Я разыграл вас! А вы купились, — пришлось сказать.

Старичье вздохнуло разом, напряжение спало.

Разговор пошёл в русле подготовки отряда. Говорили о снаряжении, провизии, лошадях, повозках, деньгах в дороге. Также решили проводить тренировки моего «войска».

Выдали патент на чин капитана.

На всё про всё было две недели.

Уже хотел уйти, как догнал дед Кир, шепнул на ухо:

— Разрешу встречаться с Кирой и дам согласие на брак, как только придёшь с войны не обосравшись, — дал пряник дедуля.

Я улыбнулся, и от души сказал:

— Да пошёл ты!

Вышел, чуя, что старик улыбается в спину.

Конец 18-й главы.

Глава 19. Хлопоты

Вышел из здания Совета в приподнятом настроении. Официально разрешили жениться. Усмехнулся. Стоял, лыбился — рот до ушей.

Рядом стоял стражник; только сейчас вспомнил о нём. Глянул: смотрел и тоже улыбался.

— Ты чё, дурак? — рявкнул на него.

— Простите, Старший. Просто увидел, что у вас настроение хорошее, мне тоже захотелось улыбнуться, — проворчал здоровяк.

— Ладно, — смиловился. — Вот, держи!

Дал ему пятак красной меди. Стражник засиял почище этой монеты.

— Спасибо, Старший! — пробубнила гора мышц.

(Конечно, обрадуется: пятак красного — это полсеребрушки.)

Насвистывая, пошёл в сторону своего нового дома.

Подходя к усадьбе, заметил, что ограда и дом похорошели. На крыше сидели четверо циклов: часть кровли была снята, ремонтировали стропильную конструкцию.

— Что-то народа больше стало, — удивился.

Кто-то приладил новые кованые ворота с гербом: в серебряном ромбе — выющийся цветок с голубым бутоном, из него торчало алое жало.

— Красиво! — восхитился.

Прошёл мимо строителей; те сняли береты, поклонились.

— Не отвлекайтесь, — махнул в ответ на приветствие, прошёл во двор.

Меняли стрельчатые рамы в окнах, вставляли узорчатую слюду.

— Да кто это всё заказал? Это ж денег куча стоит! — заволновался.

Подходя к дому, увидел, что двери сняты с петель. «Новые ставить собрались», — догадался, прошёл внутрь.

Услышал шум справа, со стороны служащего блока. Там знакомый девичий голос кого-то отчитывал. Заулыбался, направился туда.

Картина такая: Кира била по голове какой-то тряпкой мужика, отчитывала:

— Я тебе что сказала сделать, зараза? А ты?

— Госпожа, дерево такое привезли! — пытался уворачиваться от «оружия» Киры седой цикл.

— Ты куда смотрел, балбес? — размахнулась тряпкой на мужичка Кира.

Тот закрылся руками, а девушка, обманув его, вlepила пендаль.

— Ох! — произнёс цикл.

Рассмеялся. Раскрасневшаяся (уже невеста) обернулась на миг, лицо засияло от счастья. Подошла быстрым шагом, взяла за руку, отвела в другую комнату, где никого не было. Потом впилась в губы, крепко обняла. (У меня аж кости затрещали: хоть на вид девушка хрупкая, но сила циклов была ого-го!)

Поднял её, закружил.

— Рич, я тут взяла всё в свои руки. Ты не против? — И, не дав что-либо сказать, продолжила: — В общем, пришла, а тут ходят только из угла в угол да плохо копошатся... Вызвала со своей фермы людей с материалами и инструментами. «Твоих» рассчитала и выгнала.

— Ты же не против? — мельком спросила, продолжила: — Кое-что закупила. Мебель привезут через две недели и...

Закрыв ей рот поцелуем.

— Ты у меня золото, — шепнул на ушко.

— Правда? — засияла красавица.

— Правда-правда.

Обняв, подвёл к стулу, усадил, сел напротив.

— Был на Совете. Меня отправляют на войну, — закончил, посмотрел на любимую.

— Как? — всполошилась. На лице мгновенно появилась тревога. — На какую? Куда? Зачем?

В общем, всё рассказал: и про союз королей, и то, что обязан обоим королям, так как они сюзерены. И что — единственная фигура, достойная для этой цели. Сказав это, сделал гордый вид, выпятил нижнюю губу.

Прилетела пощёчина и сразу поцелуй.

— Не пушу! — уверенно сказала.

— Прости, должен, — просто сказал. Рассказал условия её деда.

Добавил, изобразив голос её старика:

— Посмотрим: если придёшь с войны и не обосравшись — разрешу жениться на Кире.

Сначала обрадовалась, потом грустила, потом разозлилась.

— Ну дед! Устрою ему! — расходилась. Глаза метали молнии.

Пришлось долго успокаивать — уговорами, ласками. Понемногу отошла, задумалась.

— Рич, я боюсь за тебя... — начала тихонько плакать. — Ты же ни стрелять из лука не умеешь, ни мечом махать... Давай я поведу войско? — заглядывая в глаза, ища согласия, сказала.

— Что ты такое говоришь? — возмутился. — Вон, и твой дед тоже хотел тебя назначить! Но я взял на себя эту ответственность! — соврал.

— Только деду не говори, что сказал про него! — заторопился. — А то посчитает тряпкой!

Закончив монолог, украдкой взглянул на Киру.

— Нет, конечно, — устало ответила, вытерла слёзы. — С завтрашнего утра приведу мастера меча! И сама тебя учить личному бою буду. Ну и твоих вояк подучу... — решила.

— Как скажешь, милая... — тихо сказал.

— Скажи, а откуда у тебя ферма? Люди? Деньги? — спросил.

— Ты забыл, что я дворянка? — усмехнулась. — У меня и стада есть, и лесопилка... И ещё кое-что.

— Прости. Я что-то не то ляпнул...

— Тебе досталась не нищая невеста... — проворковала, залезая на коленки.

Поднялся вместе с ней на руках, шепнул:

— Где тут спальня, в которой есть кровать?

Держась одной рукой за шею, другой указала направление. Туда и потопал.

Кувыркались долго. Кира была ненасытна, будто завтра уже на войну. Постарался на славу (польстил себе молча).

Лежали под тонкой тканью, пили вино, болтали о посторонних вещах. О скорой разлуке — ни слова.

Потом завёл разговор на мучившую тему: есть ли у местного дворянства родовые фамилии. Оказалось, есть. Кира носит имя Кира Ван Гайя. Её деда зовут Галио Ван Гайя.

— А почему здесь не пользуетесь титулами? — спросил (и знал ответ).

— Городок маленький. И так все знают. Вот если едем в город или другие селения — то другое дело... — пожимая плечами, ответила.

— Тебе деньги оставлю на ремонт особняка... — зачем-то сказал.

— Зачем? — хмыкнула. — Деньги есть, да и тратить некуда... Вот и пригодились куда! — улынулась, потянулась, как кошка, ко мне за добавкой ласк.

Так и проболтали до утра, потом уснули.

Конец 19-й главы.

Глава 20. Учебный лагерь

Утром Кира разбудила меня горячим травяным чаем. Рад, что моя девушка — отменная травница и лекарь. А теперь ещё у неё драгоценности с камнями матери! Изумруды силы.

Кира объяснила, что эти изумруды сами впитывают из земли силу жизни, сырую живую. Она прямо с украшений перерабатывает сырую живую в обычную и наполняет кристаллы. Кристаллы можно продавать и делать из живы разные снадобья. Например, зелье сохранения (продукты сохраняет от порчи) делается на основе живы.

Обычные циклы не могут наполнять кристаллы, они могут перерабатывать сырую живую в обычную и лечить только себя, а дворяне-циклы могут работать с силой жизни, то есть сырой живой.

Пока я пил чай, сидя на кровати, невеста сообщила, что начала копить живую в кристаллы, пока я спал. Она сбегала на рынок и купила приличный мешочек кристалликов из горного хрусталя размером с ноготь указательного пальца. Сказала, что всё зарядит для нашего отряда.

— И как они работают? — спросил я, громко хлебнув отвар.

— Ну, все циклы знают, а ты вот возьми в руку и почувствуй, — и положила мне в ладонь камушек.

— Ну и что? — с непониманием посмотрел я на девушку. — Кир, может, я это... неправильный? — с испугом спросил.

— Расслабься, закрой глаза, подумай о живе, что в камне, и потянись к ней. Видишь, она колыхается? — спросила она.

Получилось сразу. Зелёный огонёк мерцал в кристалле. Я мысленно позвал его, и тоненький волосок, извиваясь, пополз ко мне. Я потянул его к себе и направил на большой палец правой ноги (ударился об камень вчера, опух слегка). Волосок вошёл в него, окутал теплом и исчез. Боль ушла вместе с опухолью. Внутренним взглядом посмотрел на камушек — зелёный огонёк сократился на треть.

— Здорово! — обрадовался я, вскочил и закружил в танце Киру.

— Подожди, дурной! — улыбаясь, она отстранилась от меня.

— Эти камни первого уровня, они для обычных циклов. Максимум обычные могут пользоваться до третьего уровня предметами. Дворяне могут использовать драгоценные кристаллы с большим объёмом и с перезарядкой. Эти же после использования рассыплются с первого применения.

— Ты можешь и этими пользоваться, но я для тебя скупил весь янтарь и несколько обычных рубинов.

Замолчала девушка, убрав со лба медную прядь.

— Ого, и сколько же ты отдала за такое сокровище? — удивился я.

— Ты для меня дороже всего, — тихо и с грустью проговорила красавица.

— Да это понятно, — махнул я рукой, типа знаю, что я распрекрасный. — Мне интересно, сколько чего стоит.

Девушка улыбнулась — привыкла к моим выходкам — и ответила:

— Десяток камушков хрусталя — один жёлтый тин, один янтарь — от одного красного тина до пяти, изумруды и рубины платила серебром.

— Ну что, ответила на твой вопрос? — и потянулась за поцелуем.

— Кир, возьми мои два дракона. Мне они ни к чему. Тебе тут нужнее, — сказал я и протянул два толстых жёлтых кругляша.

— Нет, оставь себе! Тебе в дорогу нужны деньги, — отрезала она.

— Ну зачем мне эти две большие монеты? И где я их разменяю на постоянных дворах? — спросил я.

— И правда, — задумалась она. — Я тебе мелким серебром дам, — нашла она.

— Спасибо, дорогая, у меня есть полный кошель, я тебе ещё и половину оставлю, — ответил я.

Короче, поспорили, но девушка уступила. Оставил ей два дракона золотом и шестьдесят монет серебром, сказал — найдёт куда потратить на дом.

— Ну ладно, — вздохнула она, — мебель выкуплю и посуду для дома приобрету, — по-хозяйски распорядилась она.

— Ты хозяйка моя, — улыбнулся я и встал. — Пошли? Какой план? — обратился к Кире.

Мы сели на лошадей и поехали к восточным воротам. Мне Кира подарила коня со своей конюшни — молодого, чёрного, как смола. Пока ехал, тот всё хотел повернуться и укусить меня за ногу — пару раз я врезал ему по морде.

— Кира! — застонал я. — Ну что за монстра ты мне дала?! Я до войны не доеду — как он меня сожрёт, — заныл я.

Девушка звонко рассмеялась и объяснила:

— У тебя две недели до отправки, конь молодой — будете привыкать друг к другу, — просто сказала она и посмотрела на меня. — Учить будешь, кормить вкусняшками с ладони, чистить его, — учила она меня.

— Ладно, ладно, — буркнул я и врезал коню по морде — тот как раз тянулся зубами к моему сапогу.

— Уверен, мы подружимся с ним, — съязвил я и ещё раз треснул коню.

Выехали за город и поскакали по пыльной дороге. Километрах через четыре я увидел что-то вроде загона. Стояли несколько разных деревянных зданий с площадкой для занятий, полем с препятствиями для скачек на конях и какие-то амбары, подвалы.

Подъехав к «воротам» (типа шлагбаума), мы увидели молодого воина в новой коричневой коже с нашитыми стальными пластинами и шлемом такого же цвета, в сапогах. Рядом к столбу был приткнут прямоугольный, загнутый щит (как у легионеров) и прислонено длинное копьё. На поясе висел короткий меч и простой кинжал, мешочек типа кошелька, а с другой стороны — литровая фляжка.

Солдат кулаком стукнул себя в грудь, приветствуя офицера (на мне ещё не было знаков различия, но моя одежда и цепь аристократа говорили об этом).

Мой конь испугался, развернулся и поприветствовал его двумя копытами в грудь. Воин, как пуля, перелетел через импровизированные ворота и скрылся в густой пыли.

Я боязливо соскочил с этого психа-коня и отбежал.

— Забирай своего дурака обратно! — заорал я Кире. — Я пешком буду ходить!

Кира бросилась к солдату, нагнулась к нему, достала камень-лечилку.

Через какое-то время воин очнулся, огляделся удивлённо и встал. Я прошёл мимо него, не глядя. Рядом ехала Кира, смеясь, а вокруг нас, задрав хвост, носился придурочный конь.

Идти было недалеко — сразу первый дом, штаб, оказался моим.

Возле двери стоял ещё один солдат. Вытянувшись, тоже ударил себя в грудь. Я резко оглянулся, боясь увидеть коня.

Коня рядом не было: он носился по тренировочному полю, раскидывая занимающихся воинов. Другие бегали за ним с верёвками, пытаясь поймать этого чёрта с копытами. Поглядел я на это, махнул рукой, сплюнул и шагнул в дверь.

Посреди комнаты стояли стол и две лавки. На столе горела лампа, лежали карта, стопка бумаги, чернильница с перьями и графин с вином. В углу горела печка, рядом — стопка дров, умывальник, бадья с водой и полки с горшками, кулями.

Из полумрака вышел здоровенный мужчина и шагнул ко мне. Я на всякий случай вытащил кинжал.

— Господин капитан, прошу к столу, с дороги кубок вина не грех, — ухмыляясь, подошёл Вел.

— Ах ты бугай! — обрадовался я и воткнул кинжал в стол — типа так и хотел сделать, а не напугался.

Мы обнялись. Кира зашла чуть позже, разговаривала с кем-то из знакомых солдат.

Посидели втроём, допили вино и пошли во двор знакомиться с солдатами и хозяйством. По дороге говорил Вел, а мы с Кирой слушали.

В общем, Совет выделил в поход пятьдесят молодых циклов из охотников и пятерых матёрых мужиков, которых Вел произвёл в десятники. Самого Вела Совет назначил мне в помощники со званием сержанта.

Мы подошли к тренировочному полю, где по кругу бегали солдаты в бело-серых подштанниках и с голым торсом. Кира засмушалась и отвернулась.

Вел зычным голосом проорал:

— Построение по десяткам!

Солдаты прыснули одеваться, брали в руки оружие и строились. Построились по одиннадцать циклов в шеренге с десятником — в пять рядов.

Подняты прямоугольные загнутые щиты с бронзовыми умбонами, заострёнными штырями по центру и окантованные такими же пластинами. На головах — кожаные шлемы типа римских, без перьев.

В первом десятке солдат после десятника держал копьё-прапор.

— Хитро, — ухмыльнулся я, — типа и флаг есть, и можно кольнуть им.

(Прапор — прямоугольник с двумя хвостами-треугольниками голубого цвета с моим гербом.)

Я пригляделся к знакам различия: у солдат на стоячих кожаных воротниках был Знак Стража из красной меди в форме каменного прохода в гору, и такие же значки — на правом рукаве. У десятников и сержанта — такие же, но у десятников рядом ещё был значок: треугольный щит и накрест меч; у сержанта — два таких медных щита. Я стоял по «гражданке» — пока, всяко меня тоже нарядят.

Вел представил меня бойцам. Те нескладно поздоровались со мной: кто-то крикнул: «Здравия, господин капитан!» (так оказалось правильно), кто-то — «Господин!», кто вообще завопил: «Да здравствует Старший!» (Всех из Совета звали старейшинами, а меня — просто Старший).

Потом Вел подозвал интенданта — его нам выделило отделение гильдии купцов городка Медянка.

Цикл с посеребренными висками бодро подскочил к нам и влюблённо уставился на меня.

«Ах ты ж крыса! — подумал я. — Всяко воровать научился». Уверовал я заранее и гаркнул на него зло:

— Что-о?! Муку с червями привёз?! — разошёлся я не на шутку, вспомнив по книгам, что так все интенданты делают. — И сколько воды в эль налил? — возвысил голос я.

Солдаты зашумели, стали грозиться купчишке.

Вел дёрнул меня за рукав и шепнул:

— Рич, да всё нормально с провизией, я смотрел, — удивлённо глянул на меня, и я успокоился.

Интендант покраснел, втянул голову в плечи и не знал, что сказать.

— Ладно, — отрезал я, — на первый раз прощаю, а провизию — поменять!

Интендант разинул рот, чтобы что-то сказать.

— Молчать, гов...о перед начальством! — рявкнул я, входя в роль.

Солдаты одобрительно зашумели, а интенданту показывали кулаки.

Интендант не выдержал и зарыдал:

— Мне в гильдии сказали взять муку второго сорта, мол, хлеб — есть хлеб.

— Вон оно ка-ак? Сержант! — Вел вытянулся. — Одиннадцать плетей ему, — приказал я.

Вел кивнул головой десятнику первого десятка. Тот с двумя воинами взяли под руки и уволокли бедного интендантишку куда-то.

Вел нагнулся к моему уху и спросил:

— А почему одиннадцать?

— Эх, Вел, — покачал я головой, — потому что в десятке вместе с десятником одиннадцать циклов, балда, понял?

Почесав свою «репу», Вел согласно мотнул головой — типа понял.

Я распустил народ на обед и пошёл к себе с Кирой в свой домик.

На страже моей двери стоял уже другой солдат.

Мы с Кирой достали из своих сумок еду, разложили на столе и, запивая лёгким элем, подкрепились. У Вела был отдельный домик, где он поселился с десятниками. Солдаты, кто был не в карауле, спали в казарме.

Кухня стояла отдельно, с примыкающим помещением с очагом и столами с лавками. Дальше стоял склад с провизией и ещё склад с обмундированием и оружием. Также была небольшая мобильная кузня и лекарская повозка со всем, чем нужно.

К штату нашего соединения были приписаны: интендант с двумя работниками и с двумя повозками, кухарка с двумя помощницами и четырьмя телегами с возницами, и шесть девушек-маркитанок. Шлюхи подчинялись интенданту. И вся эта орава стояла на довольствии.

— Итого, — подсчитывал я вслух, — пятьдесят семь плюс адъютант. Военных вместе со мной — шестнадцать гражданских. Семьдесят четыре рыла.

После обеда я вызвал к себе сержанта, десятников и обиженного интенданта и наставил им задач. (Перед этим посоветовавшись с Кирой.)

Кира наняла для солдат учителей меча, копья и лука, а для меня — мастера меча. Лучному бою она сама занялась мной.

Денег ушло много на учителей, и я расстроился. Девушка грустно улыбалась и прижималась ко мне. Она думала, что грущу о разлуке с ней. А я грустил о потере столько серебра... Ну и о разлуке, конечно.

И так началась для меня рутина.

Конец 20-й главы.

Глава 21. Учебный лагерь. Обида.

Кира осталась на ночь, сказала: завтра после тренировок со мной поедет заниматься нашим особняком, вечером вернется ко мне и привезёт что-нибудь вкусненькое.

Утро наступило резко и противно. Какой-то дурак стоял возле моей двери и дудел в дудку, играя подъём. Я выскочил и вlepил пинка дудисту — тот кубарем слетел с моего тамбура.

— Ты дурной? Чего ты тут раздуделся! — зло облаял я придурка. — Вон, иди дуди возле унтер-офицеров! Ещё раз дуднешь тут, я тебе в сраку затолкаю её, понял?!

Солдат понял и побежал уже дудеть Велу и десятникам.

— Придурок, — сплюнул я и пошёл досыпать.

Киры не было — она раньше ушла заниматься с мечами. Она, оказывается, владела парными мечами, я и не знал. В прошлый раз, когда ездили на охоту, у неё на поясе висел один меч.

Покряхтывая, я решил одеться. На стуле лежало стопкой моё новое обмундирование.

— Походу, с вечера пригодила, — я умилился и добавил: — Бабы есть бабы, лишь бы шарахаться, пока все спят, — буркнул я.

Кольчуга, новенький коричневый доспех с серебряными знаками отличия (два знака: серебряный щит с мечом и чуть побольше, чем у подчинённых), и те же знаки стража, и тоже серебряные. Кожа была выделана качественнее, меч в ножнах с серебряными вставками. «Всяко Кира озаботилась», — снова умилился я.

Мой кинжал с сапфиром. Сапоги тоже коричневые, выше колен. Всё блестело и сияло. Шлем как у центуриона, кожаный, и свисал лошадиный хвост. Не у меня, на шлеме свисал! Свисал до уха.

Подумал и прицепил свою толстую цепь с медальоном — знак аристократа. Покрутился возле зеркала, остался доволен, даже шпоры есть, наверное, посеребренные. (Сам удивился, но на стене действительно висело настоящее зеркало.)

Я долго вышагивал возле зеркала, гремел всем, чем можно. Звенели шпоры, оружие бряцало. Попробовал маршировать, стараясь ноги задирать до головы предполагаемого марширующего спереди. Я просто хотел узнать, как сидит на мне форма. Шагал я кругами, топал как гусь, — и тут врывается мой адъютант без стука и вваливается в дом.

Я не успел остановить марширующую ногу и вlepил под челюсть хороший удар пыром. Тело в кожаной броне полетело, как в замедленной съёмке, обратно в дверной проём и, снося следом входившего десятника, всё это кучей вылетело во двор в пыль.

(Во мне хоть и половина крови циклов, но я дворянин, и моя сила не меньше чем у обычных циклов мужчин, даже больше).

Я вышел следом посмотреть, всё ли живы. Рядом стояла Кира (видно, вернулась с тренировок) и Вел. Оба смотрели на меня с удивлением и с открытыми ртами.

— Рич, за что ты их так? — шёпотом спросила Кира.

— Господин капитан, — медленно проговорил Вел, — если вам размер формы не подошёл, я накажу интенданта.

Кира приводила в чувство воинов.

— Да не, сержант, мне наоборот форма нравится, — ответил я Велу.

— Так это вы так радость выказали? — понимающе хмыкнул здоровяк.

Кира укорительно покачала головой:

— Ну тебя никак нельзя оставлять одного, ты так до войны всё своё войско сам перебьёшь.

— Ну, Рич, — умоляюще попросила она, — я понимаю, что на тебя действует эта скорая разлука.

— Да-а-а, — протянул я, — это всё она, сука, — добавил я.

Приглашающим жестом позвал Киру и Вела:

— Пошли перекусим, — и, перешагнув адъютанта, толкнул дверь в дом.

Ели молча. Потянулся за элем — Кира отставила графин подальше от меня. Я пожал плечами, стал дальше есть.

Девушка смотрела на меня и решилась:

— Рич, ты с утра много выпил? — обеспокоенно спросила.

— Вообще не пил, — ответил я и поднялся.

— Если у тебя такие вспышки гнева на трезвую... — начала Кира.

— Да нет у меня вспышек! — вспылил я.

— Я просто сапоги разминал, — зачем-то соврал (ну не скажешь же, что это случайность — не поверит).

Вел крикнул, хохотнул:

— Ты так сапоги разминаешь об морды солдат?

И заржал.

— Ричард! — Кира стала холодной. — Я сегодня же поговорю с Советом, чтобы тебя заменили на меня! Я не хочу, чтобы тебя убили, ты не контролируешь себя.

— Да пошли вы козе в трещину, — пнул стул, и тот вылетел в окно и сшиб другого солдата, который пришёл менять смену (это я понял по глухому вскрику).

Все выбежали во двор, я следом вышел. Сидел солдат на заднице, другой сутился над ним. Услышал отрезок разговора меж ними:

— Я тебе говорил, сильно не топай возле двери, командир не в духе...

— Ну вот видите! — Я радостно повернулся к Кире и Велу. — Это случайность.

Солдаты увидели, что я улыбаюсь, подскочили и оба убежали.

Кира махнула рукой, ушла, отвязала свою лошадь и ускакала из лагеря.

— Пошли, Вел, тренироваться, — позвал я здоровяка и потопал на арену.

Сняли с себя всю броню и приступили. Я тягал тяжести, Вел стрелял по мишеням. Посидели, квас попили, потом взялся за лук я. После часа стрельбы руки задрожали.

Отдохнули. Вел пошёл к своим десятникам, а я — к мастеру клинка, который сидел в тени дерева и с утра ждал меня. Мастер, не выказывая раздражения (видно, Кира хорошо заплатила), начал с разминки кистей, плечевых суставов, поясных упражнений и прыжков. Приёмы не показывал, просто дал деревянный меч, и я колотил манекен, меняя руки.

К вечеру я приполз домой и, не поев, завалился на кровать — прежде чем с меня стянул сапоги адъютант с перевязанной челюстью.

Пока засыпал, вяло подумал: «Кира только перелом вылечила ему. Камни первого уровня расходуются быстро. Пожалела, видно. А может, так надо». Зевнув, уснул.

Утром услышал горн — он звучал где-то далеко. Оделся, не позавтракав, пошёл на смотр войска. Строй стоял при полной амунии. Увидев меня, Вел проорал команду — все вытянулись и гаркнули синхронно приветствие:

— Здравия желаем, господин капитан!

По-хозяйски оглядел всех и коротко гавкнул:

— Орлы мои!

Потом подозвал Вела и сказал:

— Пусть покажут, что могут.

Десятники отдавали приказы, солдаты перестраивались. Получилось каре. Подняли щиты и оцетинились копьями. Я крикнул от удовольствия. Потом этот квадрат перемещался в разные стороны, циклы толкались, и строй плавал.

— Плохо, — резюмировал я.

— Вел, а сколько тут уже солдаты тренируются? — спросил я.

— Да за два дня до нас их сюда отправили, — ответил он.

— Тренироваться ходить боевым строем до вечера, потом поедите, — грозно произнёс я и пошёл к штабу. Я просто увидел посыльного на коне, который явно ждал меня.

Подошёл, сказал:

— Читай.

В общем, меня срочно вызвали на большой Совет — это значит, сбор всех наследников. Я кивнул и пошёл в конюшню. Я был зол на себя, а ещё больше на Киру. Это она всполошила всех, не понимая, что может произойти.

Конь стоял и косо смотрел на меня красным глазом. Достал из сумки приготовленное яблоко, сам надкусил, показывая, что не отравленное, и сунул ему в морду. Этот чёрт копытный прижал уши и не брал яблоко.

— Да и фиг с тобой, — сказал я, отвязав его (он был оседлан, так как к нему боялись подойти). Запрыгнул на него — коняга дёрнулся, я натянул поводья и повёл влево. Тот на месте развернулся и потянулся куснуть меня.

Я вынул ногу из стремени и впечатал ему носком сапога в морду. Он попрыгал на месте, я удержался. Нагнулся к уху (я так в фильме видел) и прошептал ему нежно:

— Слышь, козёл, ещё раз попытаешься меня куснуть — на шашлык тебя пуцу.

И ласково потрепал его по загривку.

Стал выезжать через пропускные ворота. Солдат отбежал от моего коня метров на десять и тихонько стукнул себя в грудь, косясь на коня, а конь — на него.

Я с места врубил скорость коню, лягнув его своими блестящими шпорами. Конь встал на дыбы и, как псих, рванул — у меня чуть шлем не слетел. Я лёг ему на шею, и мы помчались. Я закрыл глаза, думая, что перебесится, устанет. Долго скакали.

Я открыл глаза: оказалось, мы нарезали круги вокруг лагеря. Понемножку придурок пошёл шагом, пена летела хлопьями. Остановил его, слез. Конягу шатало, как пьяного.

Достал с коня свёрнутое кожаное ведро, бурдюк с водой. Конь пил жадно, глаза были как у дьявола — красные. Я подумал: или инфаркт будет у него, или обосрётся. Ни того ни другого не случилось — дал коню яблоко. Поводил его, сел и не спеша поехал в город.

Приехал к зданию Совета, бросил поводья какому-то прохожему и пошёл к дверям. Сзади кто-то мне кричал:

— Господин! Я не конюший!

Стражник подошёл и забрал поводья. А я не оглянулся. Пнув дверь ногой, пошёл в главный зал. Одет был я по полной, весь блестел, как начищенный чайник.

— Мы должны отреагировать на заявление Киры, — сказал козлиный старейшина.

— Да не заявляла я, — со стоном выдохнула она, — просто просила у вас помощи, чтобы его отстранили и назначили другого. И тихо добавила: — Я боюсь за него, с ним постоянно что-то случается.

— Он заявлен королю как командир отряда, тем более он ещё и вассал союзного государства, — ответил Кире её дед.

— Поэтому Совет решил, — продолжил Галио, — мы понижаем Ди Грэя со звания капитана до лейтенанта со всеми последствиями: жалование с тысячи серебряных монет до пяти-сот, положенных лейтенантам. А также из рациона убирается вино.

Кира побледнела.

Я встал, сорвал с себя знаки офицерского достоинства и кинул их на стол. Все за столом ахнули! Все держались за военные звания, которые очень редко можно было получить — война не каждый год.

— Я готов идти на войну солдатом, — пафосно сказал я и направился к выходу.

— Подожди, Ричард, — кто-то из старейшин хотел остановить меня.

Кира молчала.

Толкнул двери, вышел в коридор, постоял и ровным шагом пошёл на площадь. Купил себе десять литров вина, погрузил на Придурка (так решил коня назвать), залез на него и двинул по площади.

Проехать пришлось мимо здания Совета — и меня окликнула Кира. Я посмотрел на неё безразлично, толкнул ногами Придурка и отправил коня в галоп.

Доехал до лагеря. Солдат пропустил меня, и я, спрыгнув с коня, кинул ему поводья и пошёл в дом-штаб.

Услышав крик, я обернулся. Солдат был другой — не тот, которого Придурок лягнул. Просто конь не давался ему: встав на дыбы, молотил воздух передними копытами.

Я вернулся, взял его за уздцы — конь послушался. Отвёл в конюшню, покормил яблоком, лично насыпал овса и налил воды. Придурок всё время смотрел своим лиловым глазом.

Вернулся в штаб, крикнул караульного, велел позвать Вела. Пили до утра, потом я отрубился.

Конец 21-й главы.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.